

приоритет2030⁺

Научный редактор

В.А. АНИКИН

ОБЗОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА
В КОНТЕКСТЕ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

7 том доклада

«Глобальный ландшафт исследований и перспективных
разработок в области укрепления человека»

ОБЗОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

**Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)**

Стратегический проект «Успех и самостоятельность
человека в меняющемся мире»

ОБЗОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

7 том доклада

«Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок
в области укрепления человека»

**Научный редактор
В.А. Аникин**

приоритет2030[^]

Электронное издательство «Эгитас»
Москва, 2022

УДК 331.56, 316.472.4

ББК 28.7, 88.54

А67

Научный редактор

Аникин Василий Александрович, доцент факультета социальных наук, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук, доктор социологии (Ph.D.)

Авторский коллектив

Аникин Василий Александрович, доцент факультета социальных наук, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук, доктор социологии (Ph.D.) (введение, глава 1, заключение);

Пашков Станислав Георгиевич, преподаватель кафедры экономической социологии Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, стажер-исследователь лаборатории экономико-социологических исследований Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, соискатель степени кандидата социологических наук (глава 2);

Сорокина Ирина Аркадьевна, студентка 2 курса магистерской программы «Population and Development» Института демографии имени А.Г. Вишневского (глава 3).

Рецензент

Малошонок Наталья Геннадьевна, старший научный сотрудник Центра социологии высшего образования Института образования НИУ ВШЭ, кандидат социологических наук.

ISBN 978-0-3694-0896-9 (серия)

ISBN 978-0-3694-0901-0 (том)

© Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт образования, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
1. Современные исследования социального капитала: актуальная повестка и ключевые тенденции	13
1.1. Микро- и макроуровни в определении социального капитала	13
1.2. Ресурсный подход к анализу социального капитала	19
1.3. Эмпирические исследования социального капитала в контексте ресурсного подхода в условиях кризиса.....	23
1.4. Состояние социального капитала в современной России	27
2. Структура, виды и уровни измерения социального капитала в контексте возможностей и инструментов для улучшения человека.....	30
2.1. Современные проблемы измерения социального капитала.....	30
2.2. Принцип ресурсного подхода и специфика его измерения	33
2.3. Перспективные направления измерения социальных ресурсов (капитала): концепция математического моделирования сетей на основе теории графов	45
2.4. Индексные измерения социального капитала.....	53
3. Какие возможности дает социальный капитал человеку: состояние современных исследований об эффектах социального капитала	57
3.1. Эффекты доверия как инструмента поддержания социального капитала	58
3.2. Микроэффекты социального капитала	62
3.3. Макроэффекты социального капитала	66

3.4. Роль социального капитала в условиях пандемии COVID-19 и военных конфликтов	71
Заключение	74
Список использованных источников	77

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня российское общество стоит перед лицом серьезных испытаний. В текущих реалиях решающее значение приобретает наличие ресурсов, которые позволили бы не только копировать шоки на микроуровне, помогая людям преодолеть трудности текущей ситуации, но и открывали бы перед человеком новые возможности, улучшали бы его «качество». Одним из таких ключевых ресурсов является социальный капитал. Накопление социального капитала, особенно наращивание слабых связей, является залогом «улучшения» человека, поскольку позволяет получить доступ к другим ресурсам социальной сети человека, а также повысить уровень эмоционального благополучия [1], что в свою очередь повышает вероятность успешной адаптации человека к критическим явлениям в экономике и обществе.

Данный том посвящен исследованию понятия «социальный капитал» преимущественно с позиций ресурсного подхода. Это подход к анализу «человеческих качеств», в котором фокус анализа сосредоточен на изучении социальных групп, коллективно вырабатывающих и воспроизводящих формальные и неформальные институты, способствующие коллективным успехам, а сам социальный капитал рассматривается как ресурс, воплощенный в людях и проявляемый в характеристиках отдельных индивидов, но создаваемый и используемый только коллективными действиями [2, 3, 4]. Теоретическая сложность понятия «социальный капитал» состоит в том, что социальный капитал существует как на микроуровне [5, 6, 7], так и на макроуровне [8, 9]. Несмотря на то, что ресурсный подход предлагает рассматривать социальный капитал с позиций микроуровня, полностью игнорировать макроуровень, наиболее популярным измерением которого является институциональное доверие, практически невозможно. По этой

причине в данной работе дается обзор исследований понятия «социальный капитал» как на микро-, так и на макроуровне.

В первой части доклада делается попытка систематизации исследований социального капитала, рассматриваются актуальная повестка и ключевые тенденции, характеризующие накопление и развитие социального капитала в мире и в России. В частности, показано, что социальные ресурсы являются одними из самых дефицитных форм ресурсов, которыми обладают россияне, а накопление социального капитала в России находится на низком уровне. Социальный капитал в России носит партикулярный характер, а доверие формальным институтам в нашей стране даже ниже, чем в ряде дружественных стран. В России после пандемии наблюдается тренд на социальную дезинтеграцию и разрушение «слабых» связей (в терминологии М. Грановеттера), а роль социального капитала в преодолении последствий пандемии была несущественной. Однако санкционное давление на Россию и растущая внешняя изоляция нашей страны могут компенсировать постковидную разобщенность за счет роста просоциального поведения и формирования новых форм социальных связей и объединений. Как показывают результаты международных исследований, эти связи существенно поддерживают человека в условиях конфликтов и ослабления государства, особенно после военных действий [10].

Второй раздел посвящен рассмотрению структуры, видов и уровней измерения социального капитала в контексте возможностей и инструментов улучшения качеств человека. Несмотря на то, что традиция исследования социального капитала насчитывает более 50 лет, социальный капитал можно отнести, пожалуй, к одному из самых сложных и запутанных понятий в социальных науках. Для одного и того же человека накопленный им социальный капитал существует не только на разных уровнях, но и в разных измерениях. Можно выделить как минимум шесть таких измерений, которые входят в «золотой стандарт» международных исследований

социального капитала: членство в группах и сетях, доверие и солидарность, коллективные действия и сотрудничество, информация и коммуникация, социальная сплоченность и инклюзия, расширение возможностей и проактивное поведение. Накопленный научный опыт позволяет довольно успешно операционализировать понятие социального капитала и анализировать его как индексную величину на уровне количественно измеряемого социального индикатора. Это направление исследований является актуальным с точки зрения получения числового показателя для целей регулярного мониторинга развития социального капитала в обществе. Для оценки емкости социального капитала наука использует математический аппарат в виде теории графов и сетевого анализа. Отдельное направление исследований — это изучение взаимосвязи социального капитала и других форм капиталов. В частности, представляется перспективным направление исследований, в которых артикулируется связь между социальным и культурным капиталом, а также между социальным капиталом и человеческим капиталом.

В третьем разделе данного тома рассматриваются современные исследования об эффектах социального капитала с точки зрения того, какие возможности дает социальный капитал человеку. Вводится классификация эффектов и в зависимости от уровня социального капитала и сферы его применения. Показано, что качество общественных институтов определяет направление эффекта от социального капитала, при этом «институциональный вакуум» существенно снижает отдачу от социального капитала. Выделены ключевые риски в области эффектов от социального капитала при «слабых» институтах: рост асимметрии информации, снижение конкуренции и отдачи от человеческого капитала, усугубление неравенства внутри общества, в том числе в контексте санкционного давления, препятствование развитию формальных институтов и доверия к ним. Поэтому значимый риск для человека возникает при включении в

«плохой» социальный капитал, то есть при участии в сетях, которые ограничивают человека и цементируют развитие его личности, а также ограничивают возможности тех, кто находится за пределами этих сетей (то, что в литературе получило название «bonding» социального капитала). Для купирования этих рисков необходимы сильные институты и атмосфера доверия.

Общая теоретико-методологическая рамка данного обзорного исследования социального капитала базируется на концепции качества человеческого развития и улучшения человека. В общем смысле качество жизни определяется через вопросы здоровья и ментального благополучия населения и его отдельных групп, вопросы стандартов образа жизни и дальнейшего вклада человека в экономику страны, а также поддержку здоровья человека, экономического состояния городов и других населенных пунктов [11]. Поскольку на микроуровне социальный капитал определяется интенсивностью и качеством социального взаимодействия между людьми, его накопление рассматривается как значимый маркер качества жизни [12]. Особое значение социальный капитал приобретает и в среде предпринимателей, для которых формирование и воспроизведение социального капитала является не только важной составляющей успеха (отсюда такой интерес бизнес-сообществ и предпринимателей к конструированию социальных сетей — то, что в английском языке принято называть «social networking»), но и одним из ключевых инструментов преодоления шоков, рисков и вызовов, с которыми столкнулась Россия в 2022 г. [13]. В данном контексте одним из важных вопросов является то, как предприниматели инвестируют в социальные ресурсы, каковы механизмы формирования, производства и поддержания социальных отношений с другими индивидами и насколько накопленные социальные ресурсы позволяют достичь улучшения человеческих качеств предпринимателей [14].

В рамках представленного исследования мы исходим из посыла о том, что понятие «человеческое улучшение» должно раскрываться в мультидисциплинарном контексте, находясь на стыке между медициной, психологией, философией и социологией. Под улучшением человека следует понимать пространство деятельности, которое связано и направлено на изменение физических, биологических, психосоциальных и когнитивных качеств человека [15]. Значительная часть литературы оперирует категориями медицинских и психологических наук; в сфере социальных наук наиболее близким можно считать социологию медицины [16], общественного здоровья [17] или образования [18]. Популярным примером анализа принципа «человеческих улучшений» является работа Л. Кабреры [17], в которой делается достаточно комплексный анализ как самого термина, так и подходов, которые в том числе соприкасаются с социетальной природой и задачами человеческих улучшений. Предполагается, что человеческое улучшение — это апробация и широкое распространение технологий, способствующих расширенному воздействию на человеческий организм.

Однако улучшение человека некорректно сводить лишь к технологизации его человеческой природы. Безусловно, в этом и состоит одна из целей данного тома, концепцию улучшения человека требуется трактовать с социальной стороны тоже, поскольку подобные изменения определяют практики на социальном уровне, порождая рутинизированные и специфичные культурные практики, которые в конечном счете могут быть направлены на улучшение самочувствия и распространение оптимизма среди более широких слоев населения. Поэтому в рамках настоящего исследования мы будем придерживаться трактовки, что улучшение человека может означать «модификацию, направленную на улучшение индивидуальных характеристик человека и определяемую вмешательствами, проводимыми на научной или технологической основе в организме человека» [18].

Современные исследования показывают, что социальный капитал имеет решающее значение в улучшении качеств человека [19]. При этом серьезное внимание уделяется инструментарию исследования социального капитала, а также взаимной связи между социальным капиталом и другими формами капиталов, например физическим капиталом человека или его культурным капиталом. Это расширяет спектр инструментов, традиционно используемых для стимулирования накопления социальных ресурсов — практики social networking, направленные на то, чтобы научить и подтолкнуть человека устанавливать социальные связи, доверять институтам, некоммерческим организациям и так далее.

Итак, вопрос формирования социального капитала среди населения должен лежать в основе проактивной политики государства и муниципалитетов. При этом данный тип улучшения может носить реверсивный характер. Развитие социальных сетей на уровне местных сообществ может приводить к улучшению качества жизни индивида, что в свою очередь благотворно сказывается на формировании социального капитала этого человека в будущем.

1. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА: АКТУАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА И КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1.1. МИКРО- И МАКРОУРОВНИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Исследование социального капитала, изучение его динамики, трендов и влияния на жизнь общества на микро- и макроуровнях являются значимой частью современной социологической и экономической наук и имеют первостепенное значение для фокуса нашего исследования — улучшения человека. Теме социального капитала посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных авторов, однако само понятие «социальный капитал» имеет многогранную интерпретацию. Несмотря на длительную историю изучения концепции социального капитала, среди исследователей до сих пор не существует единого мнения относительно содержания, структуры, функций и методов измерения социального капитала, хотя важность социального капитала для индивида и общества признается большинством.

Одними из первых авторов, внесших фундаментальный вклад в развитие теории социального капитала, являются Г. Лоури, Дж. Коулман и П. Бурдье. Они развивали микроподход к анализу социального капитала с позиций социальных ресурсов. Наиболее полно эта традиция нашла отражение в работах П. Бурдье, который рассматривал социальный капитал лишь как одну из форм капитала наряду с человеческим, экономическим и культурным [5]. Ученый определял социальный капитал как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочной сетью в большей или меньшей мере институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — членством в группе [там же].

П. Бурдье подчеркивал, что, помимо широты сети социальных связей, на социальный капитал человека также влияет наличие у него других форм капитала — экономического, культурного и др. Чем большим капиталом различных форм обладает индивид, тем выше уровень доверия, которым сопровождается процесс обмена ресурсами во время использования социального капитала. Социальный капитал поддерживается обменом. Если этот обмен порождает взаимное признание, то внутри сети устанавливается «минимум объективной однородности» [там же].

При этом социальная сеть — лишь одна из возможных сущностей социального капитала. Согласно Дж. Коулману — другому представителю микроподхода к анализу социального капитала — социальный капитал не является единым целым, а скорее представляет собой «множество различных сущностей, имеющих две общие характеристики: все они состоят из какого-то аспекта социальной структуры и облегчают определенные действия индивидуумов, находящихся внутри этой структуры» [8]. В отличие от других форм нематериальных ресурсов, таких как культурный или человеческий капиталы, социальный капитал в своем основном состоянии не связан с телом и не предполагает воплощения в телесные формы (англ. *embodiment*), инкорпорирования. Наряду с экономическим капиталом социальные ресурсы накапливаются вовне человека, однако располагаются в неосозаемой сфере социальных отношений. Таким образом, согласно микроподходу, сама суть социального капитала заложена в структуре социальных отношений [20], которые регулируются определенными правилами, обязательствами, ожиданиями, а также информационными каналами. Продуктивность социальных ресурсов определяется их свойством приносить индивидам и корпоративным субъектам прибыль или возможность достигать определенных целей, которые в условиях отсутствия социального капитала могли быть недоступны. Данная особенность является конститутивным (англ. *constitutive*) признаком социального

капитала. Как будет показано ниже, ресурсный подход к анализу капиталов позволяет эффективно концептуализировать конститутивную функцию социального капитала.

Макроуровень анализа, развиваемый в работах Р. Патнэма и его последователей, определяет социальный капитал как «связи между индивидуумами, социальные сети и нормы взаимности, которые из упомянутых сетей проис текают» [21]. Иными словами, в рамках макроподхода социальный капитал определяется через социальные нормы и доверие, то есть через социальные факты, способствующие совместной деятельности и достижению общих целей [22]. В этой традиции анализа социального капитала большое внимание уделяется анализу доверия — так называемому когнитивному аспекту социального капитала. Р. Патнэмом было показано, что высокий уровень доверия и развития социальных сетей связан с процветанием индивидов, бизнеса и регионов [23]. В частности, ученый показывает важность социального капитала на примере разницы в социально-экономическом развитии севера и юга Италии. В то время, когда юг отставал, не имея достаточного умения накапливать социальный капитал, север демонстрировал рост и процветание благодаря хорошо развитым общественным связям, основанным на взаимном доверии, а также высоком доверии институтам [7].

Благодаря работам Р. Патнэма в науке закрепилась традиция различия между двумя видами социального капитала — разделяющим (или бондинговым, от англ. bonding) и объединяющим (или бриджинговым, от англ. bridging). Иногда данные виды социального капитала также называют закрытым и открытым. Бондинговый социальный капитал свойственен для закрытых гомогенных групп или сообществ, он «связывает» членов таких групп. Бриджинговый социальный капитал характерен для открытых, гетерогенных сообществ. Он объединяет членов различных, часто не связанных друг с другом социально-демографических, религиозных,

этнических и социально-экономических групп [23]. Этот вид социально-го капитала упрощает взаимодействие за пределами какой-либо группы. Разница между бондинговым и бриджинговым социальными капиталами определяется характером отношений или связей, присущих конкретной социальной группе или сообществу. При этом Р. Патнэм отмечал, что объединяющая функция бондингового социального капитала полезна для «выживания», в то время как функция «наведения мостов» (бриджинга) социального капитала имеет решающее значение для «продвижения вперед», роста коопeraçãoи и предпринимательства [22].

Развитие данной традиции анализа социального капитала позволило выделить третий вид социального капитала — «линкинговый» социальный капитал, который рассматривается как часть бриджингового капитала [24]. В этой модели бриджинговый капитал располагается в системе между линкинговым и бондинговым капиталами. Линкинговый социальный капитал появляется во взаимоотношениях между индивидами или социальными группами с разным положением во властной иерархии, с разными социальными статусами и уровнями богатства — другими словами, этот вид социального капитала связывает группы индивидов, находящихся на разных ступенях вертикальной иерархии [25]. Бриджинговый социальный капитал в таком случае отвечает только за горизонтальные социальные связи. Линкинговый социальный капитал забирает на себя ту часть бриджингового капитала, которая отвечает за вертикальные взаимоотношения между индивидами или группами. Примером таких отношений может быть взаимодействие между общественной организацией и правительством или другими государственными структурами.

Подход Р. Патнэма к социальному капиталу оказал сильное влияние на популяризацию макроподхода к анализу социального капитала. Изучение влияния социального капитала на общественные процессы было распространено на область исследований, посвященных оценке экономической

и государственной политики. Были сформулированы меры, которые продвигали социальный капитал как ключевой компонент экономического развития [25, 26]. В дальнейших исследованиях в области социального капитала в рамках этой традиции были предприняты попытки соотнести друг с другом разные виды социального капитала. Среди некоторых исследователей распространено мнение, что бондинговый социальный капитал может препятствовать развитию бриджингового социального капитала. Кроме того, он может препятствовать развитию общества и росту его благосостояния [27].

В настоящее время доверие рассматривается как ключевой аспект социального капитала на макроуровне. Развитие этого подхода привело к формированию целой научной традиции анализа социального капитала через призму ценностей и норм, разделяемых членами группы, допускающими сотрудничество между группами, и выражаемых в способности людей работать вместе для достижения общих целей в группах и организациях [9]. Этот подход предложен Ф. Фукуямой, согласно которому доверие определяется как когнитивный и стержневой аспект социального капитала. Особенность данного подхода состоит в том, что социальный капитал рассматривается не столько с позиции ресурсов, которые должны генерировать ренты их владельцам, сколько с позиции потенциала общества, которое держится на доверии между людьми. При этом под доверием Ф. Фукуяма подразумевает ситуацию, в которой члены сообщества ожидают от других членов этого же сообщества честного и предсказуемого поведения, а также уважения общих норм. Это могут быть фундаментальные нормы, такие как справедливость, честность, религия, порядочность и т. д., или нормы, принятые в организации или корпоративной культуре, — кодексы поведения, компетенции, знания и умения. Отличительная особенность концепции Ф. Фукуямы состоит в том, что социальный капитал рассматривается через призму экономической деятельности. Наличие

устойчивых, стабильных норм доверия и социальных связей создает условия для новых экономических возможностей, что может быть использовано для увеличения общественного благосостояния.

Развитие ценностно-ориентированного подхода к анализу социального капитала на макроуровне нашло отражение в работах Р. Инглхарта и его коллег. Определяя социальный капитал как культуру доверия и терпимости (англ. tolerance), в которой возникают обширные сети добровольных ассоциаций [28], Р. Инглхарт пришел к выводу, что развитие эмансипационных ценностей, произошедшее в западных обществах, могло привести к увеличению социального капитала. Накопление социального капитала могло иметь синергийный эффект, так как позволило активизировать общество, повысить самовыражение людей и оживить гражданское общество, что в свою очередь могло способствовать экономическому росту.

Приведенные подходы затрагивают только небольшую часть определений социального капитала. Тем не менее краткий обзор даже этих подходов позволяет говорить о сложной и многомерной природе социального капитала. В общем и целом мы будем исходить из структурного и когнитивного понимания социального капитала. К структурным элементам мы будем относить социальные ресурсы, которые могут быть представлены в виде сетей взаимодействия, институты и правила, облегчающие усилия по координации деятельности; к когнитивным аспектам социального капитала — ценности, нормы, установки и убеждения участников взаимодействия. Структурные элементы определяют сам факт наличия сетей для обмена ресурсами, когнитивные — непосредственные возможности для осуществления такого обмена [29]. В большей степени в рамках данного тома нас будут интересовать именно структурные аспекты социального капитала, а также его анализ в контексте неравенств и возможностей для человека.

1.2. РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Ресурсный подход к анализу социального капитала предполагает рассмотрение социального капитала в системе социальных неравенств. В широком смысле ресурсный подход предполагает, что место индивида в системе социально-экономических неравенств определяется разницей в накопленных ресурсах (капитале). При этом нематериальные формы капитала, к которым относятся культурный, человеческий и социальный капиталы, должны быть конвертируемы в экономический капитал, способствуя, таким образом, самовозрастанию совокупного капитала [30, 31]. П. Бурдье первым затронул тему конвертации капиталов, что нашло отражение в дальнейших исследованиях в данной сфере. Например, экономический капитал в капиталистических системах способен легко и эффективно перетекать в любой другой вид капитала за счет своей высокой ликвидности: денежные накопления открывают перед индивидом больше возможностей, помогают налаживать и поддерживать социальные связи [там же]. С другой стороны, наличие у человека широкого круга связей, особенно «слабых связей», открывает ему доступ к большему числу экономических ресурсов. Накопление человеческого и культурного капиталов также может открывать дорогу к новым связям, которые могут быть полезны за счет обеспечения доступа к ресурсам и влиянию (в том числе в политической сфере).

Благодаря работам П. Бурдье ученые смогли изучить свойства капиталов. Одно из значимых свойств капитала, важных в рамках ресурсного подхода, — это склонность капитала к самовозрастанию, когда «капитал тянется к капиталу» [там же]. Чем большим капиталом определенной формы обладает человек, тем легче ему поддерживать и накапливать капитал этой же формы или накапливать другие формы капитала. Например, человеку, обладающему достаточной известностью и широкими социальными

связями, легче сохранять данные связи и превращать их в стабильный экономический капитал. Более того, П. Бурдье отмечает, что социальный капитал обладает мультипликативным влиянием на другие формы капитала, находящиеся в наличии у определенного человека [5].

Концепция капиталов П. Бурдье стала серьезной альтернативой классовой теории К. Маркса, так как позволила рассмотреть улучшение качеств человека и его место в социальной иерархии как результат накопления индивидом материальных и нематериальных форм капитала, обладания ими [32, 33]. Без учета современного деления капитала на его формы невозможно в полной мере объяснить социальное неравенство современного общества [5, 33]. Поэтому особое место в рамках ресурсного подхода занимает задача изучения законов, по которым, с одной стороны, ресурсы становятся капиталами, а с другой — различные формы капитала конвертируются друг в друга.

В рамках ресурсного подхода социальный капитал рассматривается как накапливаемый и воспроизводимый ресурс [5, 30], который приносит их владельцам ренты [34, 35]. Суть ресурсного подхода состоит в том, чтобы провести четкую аналитическую черту между ресурсом, активом и капиталом. Так, ресурс не всегда есть актив и не всякий актив является капиталом [5, 30, 31, 34]. Ресурс зачастую является не более чем потенциалом. Тогда это просто наделенность благом. Ресурс рассматривается как актив в случае, если он востребован рынком и включен в процесс производства, то есть используется в процессе обмена и меняет в лучшую сторону положение владельца данного ресурса в обществе. Другими словами, актив — это ресурс, приносящий доход или генерирующий определенные выигрыши для человека или группы. С другой стороны, актив рассматривается в качестве капитала не только в случае способности актива к конвертации в экономический капитал (денежную форму) или к самовоспроизведению, но и когда актив способен приносить новую до-

бавочную стоимость, превышающую те объемы, которые используются для простого воспроизведения ресурса (сверхпроизводительный доход) [там же]. Ресурсы становятся активами, а активы — капиталом при условии наличия спроса и предложения, а также если человек или группа прикладывают определенные усилия, направленные на капитализацию имеющихся ресурсов [31].

Таким образом, социальный капитал можно рассматривать как ресурсы, которые встроены в социальную структуру, доступны в прямых и косвенных связях и мобилизуются в целенаправленных действиях субъектов [36]. Такая формулировка с большим успехом поддается количественной оценке, поскольку позволяет избежать сложности и неосязаемости «реляционных» и «когнитивных» аспектов социального капитала [37]. Причем наибольшего успеха в количественной оценке социального капитала можно достичь при концентрации на одной сущности социального капитала — социальных сетях. Подробнее о сетевом анализе будет сказано во второй главе данного тома.

Ресурсный подход позволяют оценить ключевые каналы накопления и структурирования социального капитала в современном обществе. Из всего многообразия можно выделить два ключевых канала. Во-первых, это университеты, а во-вторых — профессиональная структура. Согласно последним данным, порядка 70% трудовых вакансий не размещаются на рекламных площадках, при этом около 85% всех позиций на рынке труда занимаются посредством социальных связей и нетворкинга [38]. В таких условиях для студента или молодого специалиста крайне важно накопить достаточный для самореализации уровень социального капитала во время обучения в вузе. Таким образом, сегодня университет становится исключительно важным каналом формирования социального капитала. Поэтому комплексные меры по накоплению и развитию социальных ресурсов у студентов могут решить часть проблем, с которыми они столкнутся

в будущей жизни. К таким мерам исследователи относят индивидуальное построение учебного плана с возможностью студента оценивать свои навыки и роли, помочь малообеспеченным студентам в завершении учебы и поиске работы, развитие каналов для быстрого неформального наставничества и создание структур, способствующих развитию горизонтальных и вертикальных коммуникаций между студентами [там же]. При этом чем большим количеством социальных связей обладает студент, тем быстрее он получает нужную информацию и, как следствие, действует более эффективно.

В постуниверситетской жизни ключевая роль в накоплении и структурировании социального капитала отводится профессиональной структуре. Современные исследования демонстрируют систематические сходства между смежными профессиональными группами и фундаментальные различия между «дальными» профессиональными группами по количеству и качеству социальных связей [39]. По сути, речь идет о связи социального капитала со структурным неравенством. Социальное распределение экономического и культурного капиталов носит иерархический характер. Социальный капитал носит мультипликативный эффект — членство индивида в ресурсных сетях способствует облегчению доступа к другим формам капитала, встроенным в сеть. При этом количество и качество контактов в профессиональных мильё будет зависеть от культурного капитала — социального бэкграунда индивида, выраженного в уровне образования его родителей и занимаемом ими классовом положении в обществе [там же].

1.3. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ РЕСУРСНОГО ПОДХОДА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Из всего многообразия исследований нас прежде всего будут интересовать работы, в которых изучается социальный капитал в условиях кризисов, в частности в условиях пандемии и военных конфликтов. Известно, что пандемия 2020–2021 гг. существенно ограничила количество социальных взаимодействий в реальной жизни, которыми располагали и к которым привыкли индивиды, особенно в острую фазу локдаунов. В условиях же военных конфликтов особенно важно учитывать радикализацию и гомогенизацию социальных контактов, а также возможное ослабление государства и формальных институтов, в результате чего накопленные социальные ресурсы становятся фактически единственным ресурсом успешной адаптации людей в послевоенное время.

Говоря о пандемии коронавируса, можно было ожидать, что она приведет к последствиям, отличным от последствий вспышек болезней, имевших место ранее, так как во время пандемии COVID-19 люди могли поддерживать свои социальные связи посредством онлайн-общения. Результаты опроса, проведенного при участии респондентов со всей России, говорят об ослаблении слабых социальных связей и тенденции к социальной дезинтеграции в последние годы в российском обществе [40]. В ходе опроса респондентов спросили об их материальном положении, воспринимаемой угрозе COVID-19, социальном и институциональном доверии, динамике социальных отношений. Результаты показали, что социальное доверие не имеет значимых связей с угрозой COVID-19. В то же время связь COVID-угрозы с институциональным доверием зависит от возраста: среди молодых людей такой связи не наблюдается, однако люди старших возрастных групп демонстрируют рост институционального доверия по мере роста угрозы коронавируса. Влияние эпидемиологии

ческой угрозы на социальные связи также неоднозначно: как показывают данные, в условиях такой угрозы сильные социальные связи усиливаются или остаются на прежнем уровне, слабые социальные связи еще сильнее ослабевают. Ситуация усиления связей с ближним кругом и ослабевания связей с дальним кругом контактов может быть проинтерпретирована как социальная дезинтеграция [там же].

Пандемия актуализировала развитие новых типов социальных связей. Одна из ключевых тенденций современного общества — это формирование и развитие виртуального социального капитала посредством социальных сетей и онлайн-общения [41]. Диджитализация является важным фактором построения интенсивных и глобальных социальных связей, выходящих за рамки близкого круга или привычной географии. Такие сети контактов, как правило, построенные на слабых связях, обладают колоссальной значимостью для человека в период шоков — когда людям приходится менять место жительства и искать новую работу за пределами своей страны. Основными трендами в области использования ИКТ для накопления социального капитала в онлайн- и офлайн-плоскостях являются использование новых платформ для увеличения социального капитала, дробление виртуального социального капитала на подвиды [42]. Кроме того, наблюдается тренд на размытие границы между виртуальным и реальным социальными капиталами [там же]. Особую значимость в этой связи приобретает доверие, без которого невозможны реципрокный обмен и эффективное пересечение между виртуальным и реальным социальным капиталом в условиях неопределенности.

Анализ социального капитала в контексте военных конфликтов или военного времени показывает, что в условиях конфликтов могут усиливаться внутригрупповая гомогенность и рост просоциального поведения в обществе на фоне изменений его социальной структуры [43]. Одно из значимых исследований, посвященных взаимному влиянию военных кон-

фликтов и социального капитала, было проведено на примере Мали, где конфликт внутри страны между повстанческими группами Азавада и армией Мали продолжался с 2012 по 2014 гг [44]. Авторы изучили влияние затяжного конфликта на членство в ассоциациях и выявили, что в районах, подверженных ведению боевых действий, доля взрослых людей, состоящих в ассоциациях, увеличилась с 7% до 14%. Таким образом, связанное с военными конфликтами насилие увеличивает индивидуальное участие в группах и ассоциациях. При этом стоит отметить, что рост участия исключительно в замкнутых группах, напротив, способствует социальной изоляции. Результаты исследования демонстрируют негативное влияние военных конфликтов на доверие в той местности, где велись боевые действия.

Анализируя опыт Камбоджи и Руанды [10], особое внимание стоит уделить мерам и инструментам правительств и международных субъектов для установления социально сплоченных отношений, необходимых для предотвращения конфликтов, а также послевоенного восстановления и примирения. Основываясь на данных отчета Всемирного банка, охватывающих сообщества в Камбодже и Руанде с высокой и низкой степенью интенсивности конфликтов, исследователи обнаруживают, что чем выше степень реагирования государства и пересечения межсекторальных сетевых связей, тем больше вероятность того, что общество будет обладать высокой вовлеченностью и сплоченностью, необходимыми для предотвращения насилия и разрешения конфликтов [там же].

Существует значительная разница между внутригосударственными и межгосударственными конфликтами. В первом случае конфликт часто служит ослаблению социальной ткани общества за счет разрушения социальных норм, связей, ценностей, а также ослаблению формальных институтов [там же]. Во втором случае, напротив, конфликт способствует мобилизации национального единства и росту сплоченности между

людьми. В случае межгосударственных конфликтов социальная сплоченность является ключевой переменной между социальным капиталом и конфликтом.

Степень пересечения вертикального и горизонтального социального капитала имеет жизненно важное значение для урегулирования конфликтов и достижения социальной сплоченности. Пример действия элиты в Руанде и Ангки в Камбодже демонстрирует, что социальный капитал может быть извращен с целью подорвать социальную сплоченность общества и раздробить общество для получения индивидуальной и групповой выгоды. Кроме того, социальный капитал даже может лежать в основе насилистических конфликтов и, таким образом, выполнять негативную, разрушающую функцию. Отсутствие «связующих» (bridging) элементов между горизонтальными и вертикальными связями в совокупности с неравным распределением власти могут спровоцировать конфликт с применением насилия. В свою очередь, вооруженный конфликт может подорвать социальный капитал и служить разрушителем первичных социальных связей. В то же время, как утверждают авторы исследования [там же], социальный капитал может быть ключевым фактором в процессе примирения конфликтующих сторон, восстановления мира посредством формирования широких и разнообразных связей. Пример мощной общинны в лице народа хуту демонстрирует, что насилистические конфликты и геноцид могут повысить социальный капитал и сплоченность внутри социальных групп.

1.4. СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследования социального капитала с позиции ресурсного подхода в России позволяют сделать вывод о том, что уровень накопления социальных ресурсов в российском обществе находится на крайне низком уровне. В виде активов в развитой форме социальные ресурсы присутствуют лишь у верхних слоев общества. В более массовых слоях социальный ресурс в форме связей, то есть доступа к наиболее дефицитным видам ресурсов и поддержки, встречается крайне редко [34]. Возможно, по мнению Н. Тихоновой, именно поэтому эта форма социальных ресурсов так высоко ценится россиянами, которые рассматривают крепкие социальные связи (вероятно, в форме разветвленных слабых связей) как важнейший канал социальной мобильности [там же].

Социальные ресурсы россиян носят преимущественно партикулярный характер. Для россиян до сих пор крайне нехарактерно участие в общественных организациях и доверие им, хотя в этой сфере наметилась небольшая позитивная динамика. Наибольшее значение имеют именно личные связи с друзьями и близкими, которым россияне доверяют больше всего. Это подтверждается и результатами эмпирических исследований, выполненных в рамках когнитивного подхода к анализу социального капитала на данных WVS (World value survey) с 1990 года по 2017 год [45]. Авторы этого исследования используют методологию, согласно которой они оценивают социальный капитал с позиций микроуровня. Они противопоставляют генерализованное доверие партикулярному социальному капиталу, который оценивается через семейный и неформальный виды в целях преодоления дилеммы «разделения» и «объединения» социального капитала [46], о чем говорилось выше. Согласно результатам этого исследования важность семьи и связей на семейном уровне в России традиционно находится на очень высоком уровне [45]. Так, от 96% до

98% респондентов отмечали, что семья для них является «очень важной» или «скорее важной». На вопрос о доверии семье респонденты отвечали утвердительно в 90–99% случаев. Структурное измерение семейного социального капитала измерялось как доля людей, проживающих с родителями. В разных волнах WVS с родителями жили от 14% до 22% респондентов. Это больше, чем во многих развитых странах Европы, но значительно меньше, чем в большинстве развивающихся стран с традиционным укладом в обществе.

Неформальный вид партикулярного социального капитала представлен связями с друзьями. Эти связи носят менее значимый характер для россиян по сравнению с семейным. За рассматриваемый период показатель важности друзей для респондента («очень важны» или «скорее важны») увеличился с 80% до 85%, однако остался достаточно низким в сравнении с другими странами. Как показывают эмпирические данные, более высокий уровень важности друзей для индивида наблюдается в странах с высоким уровнем материального благосостояния и, напротив, более низкий уровень — в наиболее бедных странах мира. По уровню доверия друзьям Россия также отстает от наиболее экономически развитых стран. Так, в 2017 году данный показатель составил всего 78%. Для сравнения: в Новой Зеландии или Норвегии важность друзей отмечали почти 100% населения.

Оценка генерализованного доверия основывается на вопросе о доверии большинству людей. В разные годы доля россиян, готовых доверять большинству людей, колебалась от 24% до 37%, что, вероятно, в значительной мере было связано со структурными и экономическими потрясениями в стране. По данному показателю Россия занимает средние места на постсоветском пространстве и значительно отстает от многих европейских стран. Тем не менее в последние годы наблюдается рост показателя доверия незнакомцам (людям, которых респондент встречает впервые) с 14% до 24%, однако при этом доля тех, кто не доверяет незнакомцам,

остается на очень высоком уровне, что позволяет говорить о России не как о стране с низким уровнем доверия, а скорее как о стране недоверия.

Уровень институционального доверия в России остается также низким, а к подавляющему большинству государственных и общественных организаций и институтов большинство россиян не испытывает доверия вовсе [3]. Исследователи когнитивных аспектов социального капитала отмечают, что желающим перемен не на что опереться, поскольку существующим организационным институтам (партиям, СМИ, профсоюзам, общественным организациям) большинство россиян не доверяет или доверяет слабо. Наибольшим доверием пользуются институты, воплощающие стремление к стабильности, президент и армия, на которые могут ментально опереться как раз те россияне, кто отвергает качественные перемены [там же, с. 173].

В результате партикуляризма социального капитала в России снижается уровень активности граждан на макроуровне, в частности гражданской активности, и важность просоциальных установок (таких, как необходимость своевременной и регулярной уплаты налогов, осуждение взяток, обязательность оплаты проезда в общественном транспорте, получение только полагающейся по закону помощи и т. д.). Спад по показателю неуплаты налогов составил 17% (с 53% до 36%), по остальным показателям — почти 30% (с 85% до 58%, с 52% до 24%, с 65% до 35% соответственно). При этом растут запросы к государству и стейтистские установки [47].

Даже такой поверхностный анализ состояния социального капитала в России позволяет говорить об актуальности исследования социального капитала. Наиболее продуктивной теоретико-методологической рамкой анализа социального капитала в России представляется ресурсный подход к анализу элементов социального капитала. Более подробно методология исследования социального капитала и специфики измерения его элементов в контексте ресурсного подхода представлена в следующем разделе.

2. СТРУКТУРА, ВИДЫ И УРОВНИ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В первой главе были предложены основные концептуальные рамки анализа социального капитала с позиций ресурсного подхода. В данной главе приводится измерение социального капитала. Здесь мы представляем последовательное описание общих подходов к операционализации социального капитала (далее в тексте — СК) и социального ресурса в частности (далее в тексте — СР), а затем рассмотрим непосредственные кейсы измерения СК в контексте улучшения человеческих качеств. Основной тезис раздела заключается в том, что измерение и дальнейшее исследование СК возможны при условии более полного акцента на ресурсном подходе, в методологическое ядро которого включаются различные индикаторы, связанные с количественными и качественными атрибутами присутствия у человека социальных контактов (структура, длительность и границы расширения социальной сети).

2.1. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

В целом степень разработанности методологического аппарата измерения СК можно характеризовать с позиции ряда подходов, включая способы сбора и анализа данных, например проведение «классических» социологических опросов либо конструирование абстрактных аналитических конструкций с помощью, скажем, теории графов. Существуют эмпирические свидетельства [48] методологической сложности измерения социального капитала по причине сложности самого понятия СК и, как следствие, достаточно высокого разнообразия возможных доменов из-

мерений. Многое зависит от того, как определяется понятие социального капитала, чему была посвящена первая глава. Рассмотренные в ней определения позволяют выйти на уровень конечных измерений и индикаторов.

Напомним, что мы рассматриваем СК через призму значимого ресурса, который может и должен быть успешно конвертирован в другие формы капитала, прежде всего экономический [30]. На индивидуальном уровне измерения такой ресурс предполагает наличие либо отсутствие связи с другим индивидом, на коллективном уровне характеризуется качеством развития социальных ассоциаций и групп [49]. Все это значимо определяет характер конструирования эмпирических индикаторов. Значительная доля эмпирических исследований социального капитала проведена на основании социологических опросов (WVS, «Сравнительный обзор социального капитала» (SCBS) и др.).

До сих пор не существует универсального измерения социального капитала. Более того, можно говорить даже о системных противоречиях между теоретическим представлением о социальном капитале и эмпирическим его измерением. Например, Э. Уфофф и соавт. [50] представили систематический обзор исследований в контексте проблемы неравенства доступа к здоровому образу жизни. Лишь каждая десятая выделенная авторами публикация предлагает наборы показателей или индикаторов для дальнейшего измерения СК и его компонент (например, см. [51]). Дело в том, что большая часть эмпирических разработок опирается на исследования 20-летней давности и может не учитывать актуальные тенденции в развитии теории социального капитала. Лишь единицы выделенных статей, по мнению авторов, предлагают наиболее актуальные структурные индикаторы, которые могут характеризовать уровень накопленных социальных ресурсов. При этом теоретические подходы (выраженные в терминах Дж. Коулмана, М. Грановеттера или Р. Патнэма) зачастую «слабо» соотносятся с предлагаемыми единицами измерения.

Основная причина — дефицит валидного инструментария измерения СК. Зачастую исследователи предлагают способы измерения СК, основанные на ряде упрощенных социологических утверждений (например, «людям в этом районе можно доверять» или «уровень бедности в определенном регионе» и т. п.) [там же, 107]. Иначе говоря, одним из ключевых вызовов становится поиск валидного методологического аппарата, который мог бы адекватно измерять элементы СК с помощью количественных индикаторов. Лишь сравнительно небольшое количество исследований (например, [52]) способны предлагать такие источники данных, на основе которых возможно валидное измерение социального капитала.

Другая причина — это наличие оптимального набора индикаторов. Среди большого пула работ до сих пор не наблюдается выработанного консенсуса по составу индикаторов измерения СК, в том числе из-за сложностей в операционализации СК. Существует определенное понимание того, что наборы индикаторов должны быть разведены в части границ активности социального взаимодействия индивидов. Так, есть индикаторы для измерения СК близкого круга (партикулярного социального капитала) и измерения СК сообщества [53]. Также в последнее время стало популярно измерение СК на основе «качественных» индикаторов в рамках когнитивного подхода к анализу СК, таких как «ассоциативное участие», «гражданское лидерство», «неформальное общение», «социальное доверие», «межрасовое доверие», «взаимодействие на основе веры», «качества психологической и социальной устойчивости» [54].

Третья группа проблем связана с необходимостью идентификации оптимальных шкал и способов анализа СК. Здесь фиксируется высокое многообразие подходов, часть из которых зачастую не предполагает единой линии аргументации. Хорошим примером этой проблемы является исследование Т. Агампода и соавт. [55]. Авторы утверждают о сложившихся «традициях» измерения социального капитала с помощью бинарных шкал

и многобалльных оценок СК (т.н. шкал Лайкерта). В указанном выше исследовании систематизируется многообразие различных подходов к операционизации социального капитала, демонстрирующих разнообразие форм измерения СК. В этой связи фокус на разработку индикаторов СК в рамках ресурсного подхода, который уже доказал свою релевантность российским реалиям, может «помочь» избежать части изложенных выше проблем и вызовов.

2.2. ПРИНЦИП РЕСУРСНОГО ПОДХОДА И СПЕЦИФИКА ЕГО ИЗМЕРЕНИЯ

Предлагаемая далее методология основывается на ресурсном подходе к анализу социального капитала, изложенном в предыдущей главе. Методологическая специфика применения ресурсного подхода состоит в том, что социальный капитал представляет собой «последнюю стадию» существования социального ресурса. Напомним, что, согласно ресурсному подходу, социальный капитал — это социальный ресурс, приносящий ренту, сверхпроизводительную отдачу в различных формах (в первую очередь экономической).

Измерение реципрокности социального капитала основывается на оценке возможной помощи со стороны других людей, что соответствует традиции измерения социального капитала Всемирным банком, о чем будет более подробно сказано ниже. В российских реалиях речь идет о таких индикаторах, как «возможность взять в долг/одолжить до 100 тыс. руб.», «поиск приработков», «продвижение по карьерной лестнице», «решение жилищной проблемы» и др. возможностей за счет знакомых [56: 45]. С теоретической точки зрения, и это было отмечено в главе выше, специфика указанных формулировок, на наш взгляд, состоит в том, что сам факт обращения к кому-либо может трактоваться как факт «наведения моста», то есть демонстрирует связь между рассматриваемым субъ-

ектом и иным индивидом, что в ресурсном подходе рассматривается как непосредственный социальный ресурс.

В основе операционализации социального ресурса российского населения могут лежать глубина и качество функционирования социального ресурса (социальных контактов). Этими двумя важными атрибутами характеризуется множество зарубежных исследований, в которых применяются как социологические формулировки вопросов, так и макростатистические показатели.

В то же время необходимо отметить, что для анализа социальных ресурсов «сложившиеся» практики могут помочь сконструировать первичный набор индикаторов, характеризующих наличие или отсутствие социального ресурса и глубину подобных связей. Это означает методическую перспективу совмещения социологических формулировок с макропоказателями. В существующих исследованиях [51, 54, 56] применяется количественный подход, выражаемый в форме простой либо продвинутой регрессионной модели, которая оценивается для индивидов. Альтернативным подходом является оценка социальной сетевой структуры. В основе такого аппарата уже лежит теория графов и соответствующая ей методологическая база.

Таким образом, при разработке исследовательского инструментария необходимо работать с двумя типами измерений — взаимодействия на уровне индивидов (индивидуальный уровень) и взаимодействия целых социальных агрегатов и групп (межгрупповой уровень), что предполагает разный набор формулировок вопросов и индикаторов. Особую значимость имеют не только сами единицы смыслов, закладываемых в социальные ресурсы, но и механизмы их формирования, поддержания и воспроизводства. В упомянутой ранее литературе это такие функции СК, как «bridging», «bonding» и «linking».

Классические работы в данном поле операционализируют установки индивида, которые в итоге могут характеризовать степень принадлежности субъекта определенной социальной группе. Например, К. Лочнер и соавт. выделяют такие утверждения [57: 263–264]:

- «Соседи интересуются вашим мнением; вы спрашиваете мнение соседей»;
- «Я чувствую, что являюсь важной частью этого сообщества»;
- «Меня волнует, что мои соседи думают о моих действиях»;
- Политическая эффективность: «Я чувствую, что могу внести свой вклад в местную/городскую политику, если захочу»;
- Восприятие способности группы совместно решать проблемы («Если есть проблема, сообщество может ее решить»);
- «Важно, чтобы сообщество преуспевало и заботилось о том, на что оно похоже»;
- «Чувствовать себя хорошо, когда кто-то делает что-то хорошее для моего сообщества».

В качестве еще одного примера набора индикаторов в рамках когнитивного подхода к анализу СК может быть упомянутая ранее работа Ф. Вейла и соавт., в которой измерение СК строится вокруг фактически функциональных блоков [54: 117–118]:

- ассоциативное участие: участие в спортивных клубах, молодежных организациях, различные ассоциации и организациях религиозной либо профессиональной направленности (бинарная шкала, возможна множественная переменная);
- гражданское лидерство: частота посещения различных тематических собраний, митапы по определенным вопросам и проблемам (номинальная либо ранговая шкала, характеризующая частоту посе-

- щения; шкала Лайкерта и семантический дифференциал);
- неформальная коммуникация: частота встреч с определенными группами людей и типичный состав подобных контактов (номинальная либо ранговая шкала, характеризующая частоту посещения; шкала Лайкерта);
 - социальное доверие: вопросы о генерализированном, личностном и безличностном доверии к различным категориям субъектов (возможна комбинация различных шкал: как ранговых, так и количественных или интервальных);
 - взаимодействие на основе доверия: вопросы о том, принадлежит ли респондент к определенной социальной группе, предполагающей высокую частоту и качество коммуникации/взаимодействия или схожее (возможна комбинация различных шкал: как ранговых, так и количественных или интервальных).

Представленные варианты измерения СК могут быть продуктивны в том смысле, что позволяют измерить «качество» коммуникации субъекта с остальными членами социальной общности. При этом допускается, что шкала измерения может быть либо бинарной (факт/отсутствие факта), либо измеренной по шкале Лайкерта.

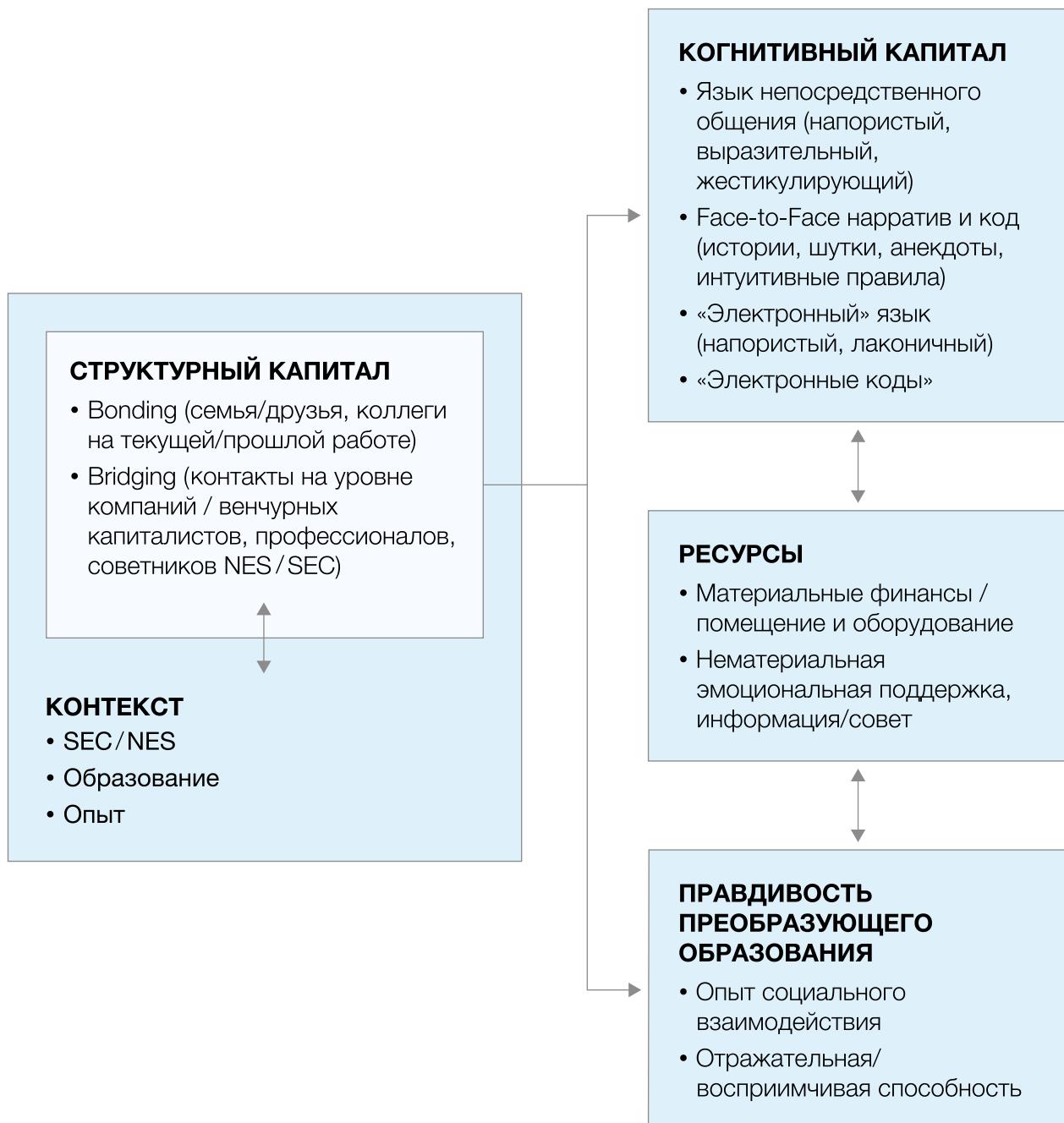
Однако в приведенных примерах операционализации отсутствует измерение взаимодействия индивидов. В «классической» плоскости речь идет о формировании сетей взаимных отношений, которые, пользуясь терминологией М. Гранноветтера [58], можно обозначить как «сильные связи» и «слабые связи», а также бриджинг и бондинг СК. Напомним, что «bonding capital» предполагает, что связи между индивидами создают сети сплоченных контактов внутри однородных групп, в то время как «bridging capital» подразумевает под собой свободные связи между группами, которые объединяют людей из различных социальных слоев [59].

В целом, если говорить о различиях между когнитивным и структурным аспектами социального капитала, то они лежат в области контекста эмпирического применения моделей. То есть это аспекты, связанные с измерением когнитивных социальных структур и схем, обеспечивающих понимание индивидами их собственного присутствия в определенных сетевых структурах и понимании механизмов их взаимодействия в сетях, основанных на общности ценностей и норм. В этом плане примерами могут выступать процессы образования бизнес-сообществ на начальном уровне предпринимательской деятельности. Например, исследование Р. Ли и О. Джонса [60] иллюстрирует разную степень вовлеченности молодых предпринимателей в коммуникацию в зависимости от того, какой способ общения применяется — цифровой или «живой».

Под когнитивным СК в таком случае понимается набор вербальных инструментов (языки общения, реакций и т. п.), которые обеспечивают поддержание постоянных коммуникаций между участниками одной сети. Авторы отмечают, что в эпоху интенсивного развития цифровых технологий создание новых бизнес-проектов должно являться позитивным шагом на пути поддержания постоянных контактов, поскольку должно сокращать временные, экономические и иные издержки на передачу и распределение информации и сигналов [61]. Однако исследователи, проведя серию количественных и качественных наблюдений за слушателями курсов по созданию предпринимательских проектов, обнаружили, что качество коммуникации в таком «рисковом» контексте оказалось значимым фактором установления стабильных отношений, а следовательно, и социального капитала между участниками группы.

На рисунке 1 показано, что «количественный» контекст сетевых взаимодействий, например получение совместным образом образования или обмен опытом, может значительно определяться «качественными» оценками передачи опыта. Физиологические характеристики, такие как выражение

эмоций, «живые» разговоры и «живые» обмены благами, способствуют лучшему сплочению группы, в то время как цифровая коммуникация может скорее «сужать» качество самой коммуникации, что может быть особенно чувствительным при наличии кризисных условий и процессов.

Примечание: источник [60: 583].

Рисунок 1. Механизм функционирования когнитивного социального капитала в процессе обучения

Впрочем, это не значит, что именно «нечисловое» взаимодействие насыщает социальный капитал человека. Как было показано выше, кризисные процессы, предполагающие переход на цифровую модель общения, могут способствовать накоплению благ и расширению возможностей, в частности поддержке «здоровья» социальной группы. Среди актуальных примеров — пандемия COVID-19, где от эффективности работы когнитивного человеческого капитала (установки и диспозиции, способствующие межличностному сотрудничеству) зависит изменение численности жертв от коронавирусной инфекции. Более сплоченные группы с более качественными актами коммуникации (большой информированностью о ситуации, оценке событий) имели меньший риск преждевременной смерти от вируса [62]. В качестве механизма измерения такого капитала исследователи использовали опросники, замеряющие степень межличностного доверия на основе ретроспективных исторических данных, которые проходили через регрессионное моделирование.

В рамках ресурсного подхода структурные аспекты социального капитала имеют большее значение, чем когнитивные. В частности, речь идет о количестве и качестве самих отношений между участниками одной сетевой структуры. Под этим предполагается, что индивиды, которые связаны с другими людьми, способны лучше преодолевать различные физиологические и психологические вызовы и проблемы. Например, исследования показывают, что социальный капитал оказывает более благотворное влияние на взаимодействие представителей старших возрастных групп в определенной сети. Так, опрошенные китайские пенсионеры в сельской местности в значительной степени способны преодолевать ментальные вызовы вкупе с активным применением физического капитала, поскольку люди, которые были способны активнее выстраивать коммуникацию между членами одного сообщества, на практике были способны образовывать организованные единицы сетевых отношений (например, социаль-

ные организации) для решения физических и ментальных проблем [63]. В качестве метода опроса использовались конструируемые показатели принадлежности респондента к определенным общественным организациям и уровень межличностного доверия (различные переменные демографического профиля), что схоже с [54] или [64].

Современные исследования по данному направлению акцентируют внимание на способах идентификации параметров, способных к операционализации и в качестве элементов СК, и как компоненты образования сильных либо слабых связей. Одной из «классических» работ в этом направлении можно считать публикацию Д. Кайна и Д. Олдрича [65], в которой предлагается авторский подход к измерению указанных параметров через выход на социально-экономические показатели, доступные на уровне микро- и макростатистики. В приведенной ниже таблице 1 отражены основные виды показателей для построения интегрального «Индекса социального капитала». Стоит отметить, что данный подход может быть по-прежнему актуальным по той причине, что предполагает работу с показателями, которые могут присутствовать в статистических сборниках и могут быть в дальнейшем реконструированы под определенные цели. Более того, указанная классификация находит подтверждение своей аналитической валидности в более новом исследовании [66], где Т. Фрейзер использует похожую парадигму, но сами индикаторы (bonding и bridging в таблице 1) рассматриваются не сквозь ассоциативность с социальным капиталом, а на уровне применимости к определенной государственной единице (муниципальный уровень индикатора или префектный). Ключевым методическим результатом становится визуализация и статистический анализ этого набора индикаторов применительно к разным местностям либо иным аспектам.

Таблица 1. Специализированные субиндикаторы для построения индекса социального капитала

Концепт (аспект)	Формируемый показатель концепта (аспекта) СК	Ассоциативность
Формирование сильных сетевых отношений (англ. Bonding)		
Расовое сходство	Расовое фракционирование (от 0 = полная однородность до 1 = полная неоднородность)	Негативная
Этническое сходство	Фракционирование по этническому признаку (от 0 = полная однородность до 1 = полная неоднородность)	Негативная
Образовательное равенство	Отрицательная абсолютная разница между % от общей численности населения с высшим образованием и % от общей численности населения с образованием ниже среднего	Негативная
Равенство расы/дохода	Коэффициент Джини (0 = идеальное равенство, 1 = идеальное неравенство)	Негативная
Равенство в сфере занятости	Абсолютная разница между % от общей численности занятых и % от общей безработной рабочей силы	Позитивная
Гендерное сходство доходов	Фракционирование доходов по признаку пола (от 0 = полная однородность до 1 = полная неоднородность)	Негативная
Языковая компетенция	% от общей численности населения, владеющего английским языком	Позитивная
Коммуникационная способность	% от общего числа самоидентифицируемых домохозяйств с телефоном	Позитивная
Непожилое население	% от общей численности населения моложе 65 лет	Позитивная
Формирование слабых сетевых отношений (англ. Bridging)		
Религиозные организации	Религиозные организации на 10 000 человек	Позитивная
Общественные организации	Общественные организации на 10 000 человек	Позитивная
Социальная включенность. Благотворительные связи	Член благотворительной организации (% от общего числа)	Позитивная

Концепт (аспект)	Формируемый показатель концепта (аспекта) СК	Ассоциа- тивность
Социальная включенность. Братские связи	Член братского ордена (% от общего числа)	Позитивная
Социальная включенность. Союзные связи	Член профсоюза (% от общего числа)	Позитивная

Формирование ассоциативных сетевых связей (англ. Linkage)

Политическая связь	% от общей численности населения избирательного возраста, имеющего право голоса	Позитивная
Связь с местными органами власти	% от общего числа служащих органов местного самоуправления, работающих в органах местного самоуправления	Позитивная
Связь с правительством штата	% от общего числа государственных служащих, работающих на правительства штатов	Позитивная
Связь с федеральным правительством	% от общего числа федеральных служащих, работающих в федеральных агентствах	Позитивная
Политическая связь Политическая деятельность	Участие в политических митингах/выступлениях/организованных акциях протеста (% от общего числа)	Позитивная

Примечание: источник [66: 68].

Существуют другие измерения социального капитала, особенно в части «bonding» и «bridging». Например, это подходы, в которых расчет субиндексов основан на социологических индикаторах [67]. Например, в исследовании Т. Кайризы и соавт. [68] предлагается для измерения указанных единиц СК использовать такие формулировки вопросов: «Верите ли вы, что ваша семья сможет рассчитывать на родственников/не родственников для продовольственной помощи?» (англ. «Do you trust that your household will be able to lean on relatives/non-relatives for food related assistance?»). Можно расширить данный способ, рассчитывая балансовым методом доли положительных и отрицательных ответов, таким образом

получая индивидуальный либо агрегированный индекс социального капитала. Отечественные специалисты операционализируют социальный капитал и его видимые компоненты аналогичным образом на основе социологических опросов.

Другим важным аспектом исследования социального капитала в логике здоровья являются параметры, или контексты воспроизведения СК. Среди актуальных исследований наблюдается, например, фокус на исследовании организационных сетей. Отчасти это является классическим примером, который развивался в 1990-х. «Классическое» исследование Б. Уцци [69] на примере финансовых рыночных институтов указывает на то, что выстраиваемые сети контактов агентов в большей степени становятся эгоцентричными (т. е. формируются преимущественно вокруг фирм), а конфигурация более многогранна, в таких отношениях диффузия информации оказывается более выгодной сторонам взаимодействия. При этом за фокусом остается механизм «вхождения» социального капитала в подобные контексты. Исследователи чаще употребляют термин «вторжение» (интервенции) для обозначения той степени, с которой сетевые сообщества способны оказывать влияние на поведение индивида, опосредованно включенного в них. Например, исследование [70] демонстрирует любопытную деталь вокруг контекста. Изначально предполагается, что более широкое поле знания либо информации позволяет, например, предпринимателям осуществлять более рациональное стратегическое планирование своей деятельности, что требует активного применения социальных отношений с другими участниками бизнес-сетей. Но как было указано ранее, для генерации эффективных форм сотрудничества важным представляется качество таких сетевых связей, поскольку это может напрямую влиять на способность бизнес-проектов преодолевать серьезные риски [71]. В зависимости от качества работы бизнес-сетей исследователи выделяют т. н. «региональный» социальный капитал, ха-

рактеризуемый преобладанием локальных культурных и иных нормативных специфик, что особенно важно на этапе образования новых фирм (на этапе создания венчурных предприятий). В реальности они приходят к выводу, что контекст оказывает положительное влияние не на сам процесс, а на мотивацию, т. е. выступает в роли позитивной культуры для воспроизведения подобных практик. Это говорит о том, что в ряде случаев качество сетевых структур становится более необходимым условием для преодоления своеобразного мотивационного барьера предпринимателями. Как и в предыдущем фокусе, методологическая основа исследования базируется на количественном, многоуровневом регрессионном моделировании. Существенной спецификой является то, что в качестве параметров измерения социального капитала выступают мотивационные диспозиции предпринимателей по поводу готовности продолжать создание бизнес-проекта и его поддерживать, где социальные связи операционализируются в виде принадлежности предпринимателей к определенным сферам деятельности (ассоциациям), а далее измеряются в виде показателя связанности бизнес-ассоциаций (среднее число присутствия участников в других ассоциациях).

В качестве эмпирических примеров можно наблюдать исследовательские разработки, в которых можно выделить обособленные категории, такие как членство в группах и сети, доверие и солидарность, коллективные действия и сотрудничество, социальная сплоченность и инклюзия. Это можно увидеть в рекомендациях Всемирного банка [72], также можно встретить в различных эмпирических исследованиях. Например, в исследовании Ю. Аксютина [73] задействованы такие индикаторы, как измерение уровня институционального или безличного доверия (доверие политикам, политическим организациям и институтам), а также аспектов, связанных с социальной «солидарностью» респондента в пределах определенной социальной среды. К достоинствам подобного подхода отно-

сятся возможности по проведению стандартизованных социологических опросов, что позволяет провести сравнительный анализ на уровне отдельных регионов либо социально-экономических категорий. Возможно использование и психологических характеристик при взаимном измерении социального капитала. Например, в работе К. Вулкович и соавт. [74] делается акцент на контексте предпринимательских мотиваций, которые могут быть опосредованы влиянием психологических барьеров и установок. С помощью серии «социологических» высказываний, оцениваемых по шкале от 1 до 7 (например, «Мои друзья ценят предпринимательскую деятельность выше других видов деятельности и карьеры» или «В моей стране принято считать, что предприниматели пользуются другими» и пр.), возможно измерение когнитивного капитала в связке с рядом «психологических» высказываний (например, «Я могу контролировать процесс создания нового бизнеса», «Мои коллеги одобрили бы мое решение начать бизнес»). Исследователи приходят к выводу о том, что объединение и связывание социального капитала могут значительно усилить предпринимательские намерения.

2.3. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ (КАПИТАЛА): КОНЦЕПЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕТЕЙ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ГРАФОВ

В рамках предыдущей секции мы рассматривали достаточно подробно вопрос оценки качества социальных ресурсов (или в комплексе — социального капитала). Второй же вопрос касался глубины анализа социальных ресурсов, который оказывается более сложным в операционализации, чем предыдущий. Одна из фундаментальных сложностей при анализе структуры социальных ресурсов и капиталов — невозможность на уровне индикаторов в полной мере «прочувствовать» структурные диспозиции субъектов на уровне некоторой социальной общности, поскольку

предполагается, что вопросы задаются или в обобщенном виде (как макропоказатели), или непосредственно субъектам (высказывания и персональные оценки качества принадлежности к определенной общности). В таком случае величина количественной оценки качества структуры социальных связей между субъектом и другими индивидами кажется недостижимой, поскольку потребуются альтернативные методологические фреймворки. И одним из потенциальных направлений можно считать социальный сетевой анализ (англ. *Social Network Analysis, SNA*), где в основе структуры лежат графовые модели. Стоит отметить, что на сегодняшний день существует множество различных конфигураций исследования социального капитала на этом подходе. Их примечательная особенность в том, что на уровне сетевых структур возможно применение сетевых метрик (центральностей, ассоциативностей) для выявления явных и скрытых форм отношений между участниками сети.

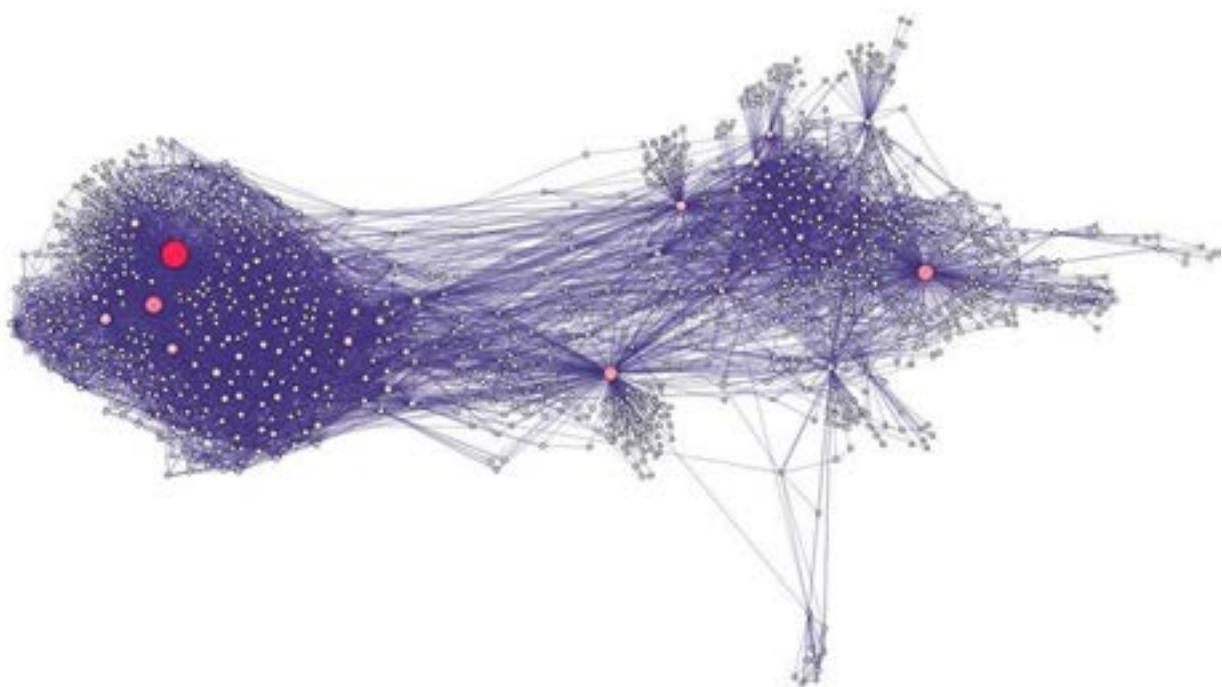
Концептуальная рамка в этом случае опирается на терминологию [75], также систематизированную в приведенной таблице 2. В ней можно увидеть, что ключевыми индикаторами становятся вопросы доверия, ассоциативные связи между индивидами, сетевая близость между различными группами индивидов, принадлежность к тем или иным сетевым структурам. Здесь появляется проблема, связанная с тем, как выразить последнее в качестве индикатора. Предложенные ранее исследования опираются на социологические опросы и репрезентативные, стратифицированные выборки для выработки косвенной принадлежности респондента к определенной сети.

Таблица 2. Вариации концептуализации и операционализации элементов социального капитала и здоровья

Подход	Определение	Измерение	Интерпретация
Сеть	Паттерны социальных связей, существующих внутри набора акторов (индивидуумов, групп, организаций и т. д.). Социальные связи относятся к связям, которые объединяют различных участников, и могут быть формальными или неформальными.	«Binding» «Bonding» «Bridging» «Linking»	Длительные, мультиплексные и очень эмоциональные отношения. Ресурсы, доступ к которым осуществляется в рамках сетей или групп, имеющих в целом схожие характеристики. Социальные ресурсы, к которым могут получить доступ разные группы (обычно с разным социально-демографическим и социально-экономическим положением). Сети доверия, которые соединяют отдельных лиц и группы в различных структурах (часто в связи с институционализированной властью/властью).
Спленченность (группы)	Наличие прочных социальных связей, которые преодолевают разногласия в обществе, и отсутствие конфликтов в обществе.	«Structural» «Cognitive» «Relational»	Формальные возможности, в которых отдельные акторы могут развивать социальные связи или социальные сети. Восприятие доверия, взаимности и поддержки, общих ценностей. Характер отношений и отождествление с другими.
Идентификация	Социально-когнитивная идентификация личности с одной или несколькими социальными категориями или с одной или несколькими конкретными группами.	«Cognitive» «Affective» «In-group ties»	Самоопределение принадлежности к группе или членства в группе. Эмоциональная оценка принадлежности к группе. Восприятие сходства и связей с членами группы.

Примечание: источник [75: 100425]

Помимо концептуальной рамки, можно выделить и ряд ключевых авторов, которые «задают» структуру анализа сетевых данных. Одним из таких является М. Кастельс, который развивал теорию информационного общества [76], в основе которой лежит предпосылка о сильной сетевой взаимозависимости индивидов в общественных системах, значительно «движимых» электронными потоковыми платформами и сервисами. Этот подход позволяет операционализировать социальный ресурс с позиции глубины контактов и их внутренней структуры. Более того, это возможно измерять, используя аппарат теории графов в различных исполнениях. Например, в работе М. Жанг приводится такая сетевая метрика, как эгоцентричность субъекта в сетевой структуре некоторой группы, т. е. того, насколько социальные связи вокруг такого субъекта оказываются значимо зависимы от него самого [77]. Безусловно, возникает вопрос сбора данных, который будет значительно отличаться от сложившейся «традиции», основанной на принципах социологических опросов. Преимущество графовых данных — в возможности более гибкого и структурного сбора данных на ограниченной эмпирической базе, что бывает более ценно, нежели более сплошной опрос населения. Например, исследование Н. Рябченко и соавт. [78] на качественном уровне демонстрирует позитивный вклад теории графов в изучении проблемы краудсорсинга и привлечении к поисково-спасательным организациям социальных ресурсов. «Эффектным» в ряде случаев становится и визуализация подобной структуры (рисунок 2), через которую возможно наблюдать глубину социального ресурса каждого участника подобной сетевой структуры.

Примечание: источник [78: 141].

Рисунок 2. Пример сетевого структурирования социальной группы краудсорсинга на электронной социальной платформе

Еще в качестве эмпирических примеров можно привести в том числе на третий тип измерения социального капитала по линии уровней анализа, например на микро- или макроуровнях. Ряд системообразующих работ (например, [79]) акцентирует внимание на пространственных уровнях анализа социального капитала на примере исследования коллективных действий в сельских местностях. Предполагается, что требуется количественно-качественный анализ некоторого пространства (местности), где возможно построение сетей в виде графовых моделей и на протяжении длительного времени (т. е. создание подобия панельных обследований). К явным преимуществам такого подхода можно отнести возможности по операционализации социального капитала через выход на различные социально-экономические практики и форматы объединения людей, что также удобно измерять при помощи сетевого анализа. Применение графовых моделей становится более узкоспециализированным инструментарием,

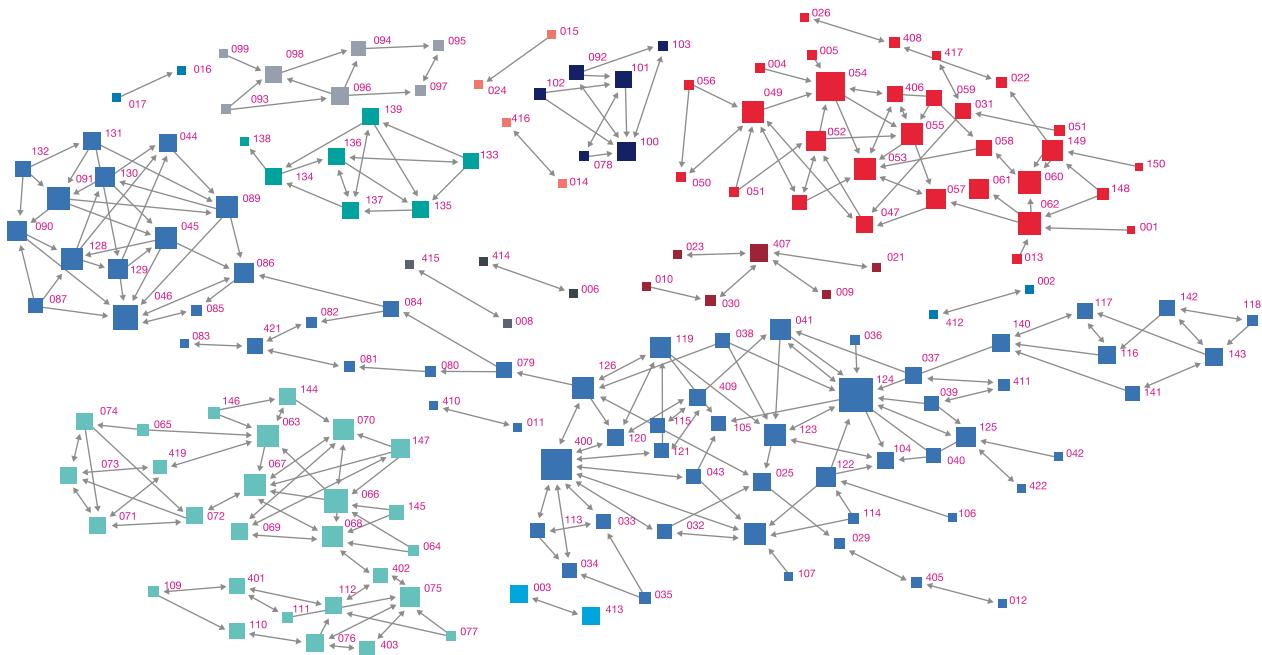
где требуются более специфицированная выборка и акцент на анализе локальных сообществ, как показывает это ряд исследований ([80]). Например, в исследовании Э. Туна и К. Карапиниса [81] используется аппарат теории графов для исследования потока «движения» социального капитала в агрокультурной сфере деятельности социальных групп. В качестве концепта выступает представление о социальном капитале как ресурсе для построения сетевых хабов (рисунок 3), обеспечивающих функционирование сельскохозяйственных кооперативов. Ценным аспектом данной работы можно считать задействование показателей сетевой структуры (расчеты сетевых центральностей, клик и т. д.), которые позволяют исследовать глубинную структуру сетевого сообщества как графовой модели. В таблице 3 приводятся примеры показателей, представленных в статье, на основе которых можно сделать вывод о наличии возможностей по operationalизации частей сетевой структуры (представленной на рисунке 3).

Таблица 3. Пример операционализации сетевых метрик для построения графа

Индикатор (англ.)	Индикатор (рус.)	Интерпретация показателя
Average degree	Средняя степень	Среднее количество связей каждого узла.
In degree (H-index)	В градусах (Н-индекс)	Среднее количество связей, полученных каждым узлом.
Density	Плотность	Значения ближе к 1 — лучшая связанность акторов в сети.
Components	Составные части	Количество компонентов, составляющих сеть.
Component ratio	Соотношение компонентов	1 — каждый узел изолирован, 0 — один компонент.
Connectedness	Связность	1 — каждый узел принадлежит одному компоненту, 0 — каждый узел находится в другом компоненте.
Network fragmentation	Фрагментация сети	1 — все узлы находятся на расстоянии 1 друг от друга (полный граф), 0 — все узлы изолированы.

Индикатор (англ.)	Индикатор (рус.)	Интерпретация показателя
Average distance	Среднее расстояние	Продолжительность распространения информации по сети.
SD distance	SD расстояние	Видит расстояния за пределами непосредственных отношений актеров.
Diameter	Диаметр	Самый длинный путь информационного потока (между самыми дальними узлами в сети).
Distance Breadth	Расстояние. Ширина	Среднее расстояние между узлами при удалении определенных узлов в сетях (когда все узлы находятся на расстоянии 1 друг от друга, полный граф, и 0, когда все узлы изолированы).
Reciprocity	Взаимность	Средние взаимные связи (связи в обоих направлениях).
Dyad reciprocity	Диадная взаимность	Взаимность между парами.

Примечание: и Источник [81: 3].

Примечание: источник [81]

Рисунок 3. Пример графовой модели задействования СК в построении кооперативных сетей

Еще один вариант применения сетевых моделей основан на конструировании «полноценных» опросников для формирования матриц сетевых отношений. В исследовании Дж. Молины и соавт. [82] применяется оригинальный подход, когда на ограниченной выборочной совокупности производится замер непосредственных сетевых характеристик индивидов путем их опроса на предмет наличия/отсутствия контактов либо иных качеств, связанных с построением графовой (социальной сетевой) структуры некоторого сообщества. На выходе выстраивается специализированная матрица смежности (англ. Adjacency matrix) [83], в которой по строкам и столбцам откладываются одни и те же номера (имена) участников опроса (и потенциальной) сети, а пересечения характеризуют наличие либо отсутствие связей. С помощью специализированного прикладного ПО (например, *igraph* [84]) возможен многоаспектный анализ сетевой структуры с выделением специфичных кластеров и иных социологических и статистических характеристик.

Таблица 4. Фрагмент опросника для построения матриц смежности сетевых контактов

Интервьюер: запишите имена в таблицу на следующем листе.

Во-первых, я хочу составить список всех людей, которые являются или были важны для вашей компании в какой-то момент времени, чтобы составить вашу «личную сеть». Для этого я задам вам несколько вопросов о людях, которые оказали вам некоторую поддержку. Вы можете давать мне имена и фамилии людей в сокращенной форме, но важно, чтобы вы не сокращали их слишком сильно, чтобы потом их можно было узнать. Это может быть кто угодно. Например, вы можете жить за границей (например, в Испании), это может быть родственник, сосед, коллега и т. д.

1. Во-первых, пожалуйста, сообщите нам имена всех людей, которые поощряли или поддерживали вас в ведении бизнеса.

2. В частности, сообщите нам имена всех тех, кто предоставил капитал или деньги (заемные или пожертвованные) для компании (например, для запуска, финансовой поддержки инвестиций или во время кризиса).

3. Можно повторять те же имена, что и в первом вопросе, или новых людей.

4. Пожалуйста, сообщите нам имена людей, которые внесли свой вклад в виде оплачиваемой или неоплачиваемой работы в создание или развитие бизнеса.

5. Пожалуйста, сообщите нам имена всех людей, которые дают или предоставили вам совет или важную информацию, связанную с компанией (например, о рынках, инвестициях, управлении, партнерствах и т. д.).

6. Пожалуйста, сообщите нам имена людей, которые помогают вам или помогали вам с административными или бюрократическими процедурами, связанными с компанией.

7. Пожалуйста, сообщите нам имена постоянных клиентов и постоянных поставщиков, которые важны или были важны для вашего бизнеса.

8. Пожалуйста, сообщите нам имена людей, с которыми вы сотрудничаете или сотрудничали (например, взаимная поддержка, обмен ресурсами, пространством или контактами) в деятельности, связанной с вашей компанией.

9. Пожалуйста, расскажите нам обо всех других людях, которые играют важную роль или были важны для вашего бизнеса и которых нет в списке. (Интервьюер спрашивает в конце: «Теперь у нас есть список этих n человек. Кого-то не хватает?».)

Примечание: источник: [84: 202].

2.4. ИНДЕКСНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Как было показано выше, в современной литературе существуют десятки других определений социального капитала, что свидетельствует о фундаментальной сложности его концепции. Тем не менее проблемы изучения социального капитала выходят за рамки формулирования понятия этого явления. Не менее значимой является проблема отсутствия единого мнения относительно стандартных методик измерения социального капитала. Изучением социального капитала занимаются не только индивидуальные авторы, но и крупные международные институты: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирный банк, Всемирная ассоциация по изучению ценностей (ВАИЦ, англ. The World Values Survey Association (WVSA)). Каждый из них имеет собственную трактовку и методологию оценки социального капитала, однако ключевые элемен-

ты, из которых формируется социальный капитал, чаще всего совпадают. Распространенной методикой является так называемая «триада социального капитала», согласно которой принято определять социальный капитал через совокупность норм, доверия и сетевой деятельности [37].

Публикации Всемирного банка сыграли заметную роль в разработке подходов к измерению социального капитала. Определяя социальный капитал как «институты, отношения и нормы, формирующие качество и частоту социальных взаимодействий в обществе», Всемирный банк предлагает рассматривать концепцию социального капитала через призму оппозиций «макроуровень/микроуровень» и «структурное/когнитивное измерение» [85]. Следуя данному подходу, К. Грутаерта и Т. Ван Бастелаера разработали инструментарий для оценки социального капитала SOCAT (Social Capital Assessment Tool).

В статистическом отчете ОЭСР «How is life? Measuring Well-being» 2020 года в разделе, посвященном социальному капиталу, приводится следующее определение социального капитала: «общественные сети, нормы и общие ценности, которые способствуют сотрудничеству между различными группами» [86]. В рамках измерения социального капитала специалисты ОЭСР оценивают следующие индикаторы:

- волонтерство через организации, которое измеряется как доля населения трудоспособного возраста, заявившего о том, что занималось волонтерством через организацию не реже одного раза в месяц в течение предыдущего года;
- доверие другим (англ. trust in others) — индикатор, который измеряется как средний балл по шкале от 0 (вы не доверяете никому другому) до 10 (большинству людей можно доверять);
- доверие полиции — индикатор, который измеряется как средний

балл по шкале от 0 (полное отсутствие доверия) до 10 (полное доверие);

- доверие к правительству — доля населения, отвечающего «да» на вопрос о доверии национальному правительству;
- участие заинтересованных сторон со стороны государства оценивается, приняли ли страны практику взаимодействия с заинтересованными сторонами и требуют ли консультации с ними при разработке новых правил (от 0 до 4);
- гендерный паритет в политике — это доля женщин в национальных палатах парламента;
- коррупция — индекс восприятия коррупции по шкале от 0 (высокая коррупция) до 100 (отсутствие коррупции) [86].

Во многих работах, посвященных анализу социального капитала, исследователи обращаются к данным ВАИЦ [87]. Россия принимала участие в пяти раундах WVS: волнах 1990, 1995, 2006, 2011 и 2017 гг. Для получения базового представления о методологии анализа социального капитала, разработанной данной ассоциацией, ниже приведена таблица 5 с показателями различных типов и элементов социального капитала в анкете Всемирного исследования ценностей.

Таблица 5. Показатели социального капитала в анкете WVS

Тип капитала	Структурное измерение	Социальное измерение
Семейный (фамилистический)	Проживание с родителями	Важность семьи. Доверие семье (тренд с 2006 г.).
Неформальный	Нет показателей в WVS	Важность друзей. Доверие знакомым (тренд с 2006 г.).
Формальный	Членство в некоммерческих организациях: спортивных или досуговых организациях; организациях, связанных с культурой, образованием и искусством; экологических организациях; профессиональных организациях.	Оправдание таких действий, как: использование служебного положения для получения взятки; неуплата налогов при наличии возможности; проезд в общественном транспорте без оплаты; получение государственных пособий, на которые у человека нет права.
	Факт подписания петиций.	Доверие большинству (генерализованное доверие).
	Готовность подписать петиции.	Доверие незнакомым (генерализованное доверие, тренд с 2006 г.).

Примечание: источник [87]

Авторы ряда исследований обращали внимание на тему взаимосвязи социального капитала и экономического роста. Например, Зафар Тасним в 2011 году в своей статье [24] рассмотрел влияние социального капитала на экономический рост в рамках расширенной модели Солоу, где социальный капитал выступает в качестве третьего фактора, входящего в производственную функцию наряду с физическим и человеческим капиталами. Для этой цели авторы статьи использовали данные по 21 стране ОЭСР за период 1984–2007 годов и объединенные средние групповые оценки (Pooled Mean Group Estimators) с целью оценить долгосрочное воздействие социального капитала. Эмпирические данные свидетельствуют о статистически значимом и положительном влиянии предлагаемого показателя социального капитала на рост доходов.

3. КАКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДАЕТ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЧЕЛОВЕКУ: СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБ ЭФФЕКТАХ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Традиционно принято вести речь о социальном капитале в тех случаях, когда социальные ресурсы и связи напрямую связаны с восходящей социальной мобильностью и ростом индивидуального или общественно-го благосостояния [88]. Данная закономерность соотносится с логикой ресурсного подхода, предполагающего анализ эффектов социального капитала как рентоориентированного актива. Специфика возникновения социального капитала как результата взаимоотношений индивидов делает его значительно менее осязаемой и более трудной для количественного измерения формой капитала, нежели более привычные физический или человеческий капиталы. Тем не менее социальный капитал формирует ряд положительных и отрицательных эффектов, которые оказывают влияние как на отдельных индивидов на микроуровне, так и на все общество в целом на макроуровне. Социальный капитал особенно актуализируется в условиях ограниченности экономических ресурсов [89], однако создает для людей не только экономические и финансовые выгоды.

Микроэффекты социального капитала зачастую связаны с нематериальными выгодами — облегченным доступом к информации, положительным влиянием на физическое и ментальное здоровье. Такие эффекты, как правило, непосредственны, их влияние ощущается почти сразу и направлено на расширение располагаемых человеком ресурсов и возможностей. Напротив, действие макроэффектов носит опосредованный и отложенный во времени характер: к ним относятся, в первую очередь, эффекты в сфере экономики.

Настоящий раздел обзорного исследования социального капитала в контексте проблемы улучшения человека посвящен ответу на следующий исследовательский вопрос: какие возможности дает социальный капитал человеку? Согласно используемому методологическому подходу одним из ключевых индикаторов социального капитала является доверие [90]. В рамках ресурсного подхода доверие выступает фундаментом социального капитала и одним из основных инструментов обеспечения устойчивости социальных связей в обществе. На индивидуальном уровне доверие облегчает рутинные ежедневные коммуникации, повышает их стабильность [91]. На уровне групп и обществ доверие улучшает общий климат социальных отношений: помогает сформировать групповую идентичность, обеспечивает сотрудничество и кооперацию, повышает терпимость и толерантность [там же]. Все эти факты определяют, почему первая часть данного раздела посвящена исследованиям доверия и его эффектов.

3.1. ЭФФЕКТЫ ДОВЕРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОДДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Опыт межличностного взаимодействия, в ходе которого у индивидов формируются ожидания, что поведение других людей будет носить предсказуемый характер и вписываться в систему общих ценностей и норм взаимодействия, является главным каналом накопления доверия. На микроуровне высокий уровень доверия облегчает межличностное взаимодействие и процесс принятия решений в условиях неопределенности будущего, когда у индивида нет точного знания о предстоящих событиях и он лишен контроля над действиями других агентов [92]. Рост доверия повышает уровень «моральности» социальных отношений [91]. При наличии доверия человек считает, что другие люди не будут умышленно совершать действия, направленные на причинение ему вреда, и, напротив, будут стремиться учитывать общие интересы и действовать в соответ-

ствии с ними. Такой подход упрощает социальные отношения (особенно личные неформальные отношения), поскольку снижает трансакционные издержки на контроль и принуждение к выполнению договоренностей и обязательств; делает взаимодействие более надежным, прогнозируемым и определенным. Доверие снижает уровень социальной напряженности, так как способствует снижению субъективного восприятия риска, связанного с вступлением в социальные отношения [93].

Дж. Коулман показал, что группа, в которой наблюдается высокий уровень доверия, способна достичь намного большего, нежели группа с низким уровнем доверия [20]. К таким же выводам приходят авторы более современных исследований [94]. Это частично объясняется тем, что трансакционные издержки, как правило, обладают положительной величиной: это способствует тому, что агенты либо заключают неполные контракты и подвергают себя риску, либо тратят слишком много ресурсов на обеспечение и поддержание контроля за выполнением обязательств. Социальный капитал позволяет минимизировать издержки такого рода. Кроме того, высокий уровень доверия снижает вероятность оппортунистического поведения и позволяет решать многие коллективные проблемы без привлечения третьих лиц и внешнего регулирования. Как следствие, это помогает использовать ресурсы, которые могли быть затрачены на контроль над индивидами, более эффективно и целесообразно.

Так же, как и в случае социального капитала, основные эффекты доверия как механизма поддержания социальных связей на макроуровне относятся к экономической сфере. Ф. Фукуяма называет доверие ключевой характеристикой развитого общества и утверждает, что прогресс и экономическое развитие зависят не столько от развитости рыночных механизмов или же особенностей локальных традиций, сколько от уровня доверия, присущего конкретному обществу [9]. Экономический рост, по мнению Фукуямы, является наградой за внутреннюю гармонию в об-

ществе, из чего вытекает необходимость поступательного развития общества и его системы ценностей на пути к развитию и экономическому процветанию.

Важным эффектом доверия на макроуровне является увеличение горизонта планирования для экономических агентов, что благоприятствует экономическому росту и стимулирует инвестиции [94], способствует принятию наиболее эффективных решений [95]. Положительное влияние доверия на экономический рост подтверждается эмпирическими исследованиями [96]. Высокий уровень доверия повышает открытость и прозрачность в обществе, за счет чего ведет к улучшению подотчетности и позволяет всерьез воспринимать заявления представителей государственных органов о текущей и будущей проводимой политике: например, это относится к заявлениям о сохранении текущей ключевой ставки, текущего уровня налогообложения и др. Это позволяет экономическим агентам выбирать более оптимальные горизонты планирования при заключении договоров и принятии инвестиционных решений [там же]. Более того, высокий уровень доверия связан с повышением эффективности государственного управления [96].

В обществах с высоким уровнем доверия люди тратят меньше ресурсов на защиту самих себя от вовлечения в рискованные экономические взаимоотношения или посягательства на право собственности со стороны третьих лиц [95]. Низкий уровень доверия в обществе, напротив, препятствует развитию инноваций, так как предприниматели вынуждены тратить больше ресурсов на контроль за контрагентами и сотрудниками с целью защиты от обмана или должностных преступлений.

В рамках изучения экономической отдачи от доверия выделяют особые, «чувствительные к доверию» типы взаимодействия [97]. К ним относятся любые контракты, предполагающие обмен товаров или услуг на отложен-

ные во времени выплаты; трудовые отношения, когда добросовестность исполнения работником трудовых обязанностей тяжело проконтролировать; инвестиции и сбережения, которые возможны лишь благодаря доверию в отношении банков или государств со стороны индивидов. Доверие и надежность облегчают производственную деятельность и повышают производительность, так как формируют внутри социальной группы климат, способствующий снижению трансакционных издержек. На общественном уровне это позволяет минимизировать эффект безбилетника (решить проблему фрирайдера), так как неформально стимулирует потребителей оплачивать пользование общественными благами [94].

Несмотря на исключительную важность доверия для экономики, его положительные эффекты не ограничиваются только экономической сферой. Доверие также крайне важно для формирования гражданского общества и развития политических институтов, поскольку способствует развитию гражданского самосознания и понимания важности политического участия, обеспечивает устойчивость политических институтов [98]. Согласно результатам эконоометрического анализа рост доверия также ведет к росту эффективности судебных решений и снижению коррупции [99].

Отдельно стоит обратить внимание на текущую ситуацию в российском обществе в контексте накопления доверия и его динамики. Уровень обобщенного доверия — доверия людям вообще — в России достаточно невысок: по состоянию на 2017 год он составлял всего 22,9% (утвердительный ответ на вопрос о том, можно ли доверять большинству людей) [100]. Дефицит доверия и социального капитала в целом присущ большинству стран на постсоветском пространстве: Россия в данном отношении не является исключением. Наименьший уровень доверия приходится на незнакомцев и людей из дальнего круга, в то время как доверие ближнему кругу достаточно высоко: например, уровень доверия семье составляет 90–99% [45]. Пандемия COVID-19 обострила проблему дефицита доверия

в российском обществе, так как людям стало тяжелее ориентироваться в информационном пространстве в условиях фейковых (фальшивых) новостей [101].

На институциональном уровне россияне больше всего доверяют «вертикали власти», нежели альтернативным субъектам политической конкуренции [102]. Более чем у 50% россиян только доверие к президенту и армии наблюдается систематически [3]. Как показывают результаты анализа, данная форма институционального доверия является частью социального капитала и затрудняет долгосрочное развитие общества, однако может приносить пользу в краткосрочной и среднесрочной перспективах. Например, граждане с высоким уровнем доверия к президенту оказались более лояльны к мерам борьбы с COVID-19 и, как следствие, реже болели [там же].

3.2. МИКРОЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Одним из главных эффектов социального капитала является положительное влияние социальных связей на распространение информации в обществе. В данном отношении необходимо упомянуть важную теорию в области социального капитала — « силу слабых связей », которая была изложена в одноименной работе М. Грановеттера [58]. Анализ социальных сетей в данном случае выступает в роли связующего элемента между микро- и макроуровнями социологической теории. Автор делит все социальные связи на два основных типа — «сильные» и «слабые» — в зависимости от частоты и длительности социальных взаимодействий. К «сильным» связям относятся отношения с родственниками и друзьями, к «слабым» — отношения и связи со знакомыми, коллегами, соседями и так далее. Для обозначения крайне «слабых» связей, в рамках которых отсутствуют элементы доверия и реципрокности (например, люди изредка пересекаются и знают друг о друге, но не имеют значимого межлич-

ностного контакта), используется определение «отсутствующие связи». Как следует из теории Грановеттера, наиболее важное влияние на развитие человеческого капитала и продвижение по карьерной лестнице оказывают именно «слабые» связи. Люди, с которыми индивид не находится в близких взаимоотношениях, являются носителями новой и, как следствие, более ценной для развития информации, а также способны оказать помощь в восходящей социальной мобильности.

Социальный капитал способствует снижению издержек на получение информации, так как увеличивает число информационных каналов за счет развитой системы социальных связей. Доступ к информации, традиционно требующий значительного числа материальных и нематериальных затрат (как минимум, времени и внимания), становится облегченным, что повышает эффективность взаимодействий как на микро-, так и на макроуровнях. Дж. Коулман приводит канонические примеры, когда люди используют свои дружеские, семейные или рабочие отношения для получения информации по определенным темам без траты времени на изучение материалов по ним [20]. Иными словами, социальные связи, в первую очередь поддерживаемые с другими целями, могут являться одним из источников получения информации. Эмпирические исследования также подчеркивают важность социального взаимодействия и когнитивного социального капитала в процессе обмена информацией в образовательных целях [103]. Они играют важную роль в развитии общей системы взглядов и общего языка в процессе обучения.

Социальный капитал расширяет спектр возможностей, доступных для индивида, так как благодаря знакомым, друзьям и родственникам человек может узнать о возможностях трудоустройства, стать членом социально значимых проектов, повлиять на важные принимаемые решения [104]. Влияние социального капитала на успех при устройстве на работу и дальнейшее продвижение по карьерной лестнице обостряет проблему

«инсайдер-аутсайдер». Асимметрия информации, образованная в результате неравномерного накопления социального капитала в обществе, делает людей с высоким социальным капиталом более конкурентоспособными на рынке труда [там же]. Стоит отметить, что в данном случае играет роль не только более легкий доступ к информации о возможностях трудоустройства. Работодатели также заинтересованы в сотрудниках с высоким социальным капиталом, так как в результате могут рассчитывать на отдачу не только от их человеческого, но и от социального капитала. На уровне организаций социальный капитал облегчает трансфер знаний между сотрудниками компании, что благотворно сказывается на показателях эффективности и производительности [105].

Положительный эффект от слабых связей и передачи информации при их помощи стал особенно хорошо виден после широкого распространения социальных сетей и виртуального общения. Например, исследование, проведенное на данных из Facebook, показало, что социальные связи играют важную роль в достижении экономической мобильности, а также являются важным каналом распространения новой и полезной информации [106]. Также было показано, что влияние на эффективность и частоту взаимодействий между людьми с разными социально-экономическими статусами может быть инструментом повышения экономической связности в обществе [там же]. Кроме того, другое исследование пользователей социальных сетей показало наличие положительной связи между взаимодействием с людьми более высокого социально-экономического статуса и продвижением по лестнице доходов за счет повышения экономической мобильности [107]. Анализ показал, что дружба между людьми из разных социально-экономических групп оказывает более сильное влияние на уровень доходов, нежели остальные рассмотренные в работе формы социального капитала — сплоченность, гражданская активность. В некоторых исследованиях также отмечается, что социальный капитал и

вовлеченность в социальные сети являются более важными предикторами получения высоких доходов, нежели человеческий капитал [108].

Развитые социальные связи и массовая включенность в неформальные сети обеспечивают поддержку и взаимопомощь в повседневной жизни людей, что может проявляться в виде материальной, инструментальной, информационной или даже даже психологической помощи [88]. В данном отношении важным эффектом социального капитала на микроуровне является его вклад в борьбу с бедностью. Снижение бедности обеспечивается за счет улучшения благосостояния, повышения доходов, доступа к ресурсам, обмена знаниями, объединения рисков (pooling of risks) [109]. При этом отдача от социального капитала оказывается более высокой для бедных, нежели богатых: как следствие, наибольший исследовательский интерес представляют регионы с низким средним уровнем жизни и низкими доходами. Например, связь социального капитала с ростом доходов в странах Африки подтверждается во многих работах [110–113]. Исследование 2022 года на данных из Эфиопии показало, что на уровне семьи сочетание материального и социального капиталов помогает избежать бедности с наибольшей вероятностью [114].

Еще одним важным эффектом социального капитала на микроуровне является значимое воздействие социального капитала на индивидов в процессе обучения. Исследования показывают, что бондинговый социальный капитал, образованный в процессе общения с другими студентами, помогает в формировании академической идентичности студентов, в то время как бриджинговый социальный капитал, накопленный в процессе общения с преподавателями, помогает в формировании профессиональной идентичности студентов [115]. Это свидетельствует о необходимости общения студентов и преподавателей за пределами формального академического взаимодействия, а также подчеркивает важность создания каналов для такого общения. Высшие учебные заведения в данном случае

выступают в роли крайне значимых центров кристаллизации социальных сетей и формирования социальных ресурсов [там же].

Связь социального капитала и образования носит обоюдосторонний характер. На разных уровнях образование является как фактором накопления социального капитала, так и его результатом [116]. Социальный капитал семьи играет крайне важную роль в способности ребенка накапливать социальный и человеческий капиталы, что влияет на все его дальнейшее развитие [20]. Тесные социальные связи семьи являются ценным активом, так как упрощают и обеспечивают доступ к институциональным ресурсам для детей. Особенno важно, что социальный капитал семьи обеспечивает доступность для детей человеческого капитала родителей, так как успеваемость школьников сильно связана с ближайшим окружением родственников [там же]. Разрыв социальных связей наоборот связан с ухудшением успеваемости.

Наконец, социальный капитал, выраженный во взаимодействии с близким окружением и семьей, является важным предиктором счастья и удовлетворенности жизнью [117]. Индивиды, являющиеся членами общественных организаций, также чаще считают себя счастливыми людьми [там же]. Подобное влияние социального капитала справедливо и для интернет-общения. Недавнее исследование пользователей социальной сети Facebook показало, что количество и степень близости общения в сети влияют на благополучие и счастье человека [118]. При этом бриджинговый социальный капитал оказывает в данном случае большее влияние, нежели бондинговый.

3.3. МАКРОЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Социальный капитал на макроуровне является общественным благом, что определяет основную сложность его изучения — фактор внешних экстерналий. Схожесть с другими формами капитала наблюдается во многих

направлениях: так же, как и любой иной вид капитала, социальный капитал является производительным [119], для его поддержания и обновления необходимы постоянные вложения [89]. В то же время есть и отличия. Теоретическое изучение социального капитала показывает, что рост социального капитала связан не только с ростом индивидуальных доходов, но и ведет к росту факторной производительности общества в целом [120]. Эта особенность отличает социальный капитал от других форм капитала, так как доход от него распределяется между всеми членами общества [119]. Например, люди с высоким социальным капиталом обычно являются лучше осведомленными о происходящих в их государстве событиях, что делает их способными более правильно оценивать отдачу от инвестиций в различные сферы экономики [96]. Как итог, они чаще выбирают политиков, повышающих эффективность образования, инвестирующих в долгосрочные проекты, что в результате улучшает жизнь не только этих людей, но и всего общества в целом.

Во многих исследованиях отмечается положительное влияние социального капитала на экономический рост. Например, на базе данных из европейских регионов было показано, что три индикатора социального капитала — социальное доверие, общественная деятельность, социальные нормы — оказывают положительное влияние на экономику и являются значимыми предикторами экономического роста [90]. Особенно важным эффектом социального капитала является положительное влияние на бизнес и предпринимательскую активность, что также стимулирует рост и развитие в обществе [121]. Для более глубокого анализа влияния социального капитала в сфере экономики целесообразно использовать деление социального капитала на бондинговый, бриджинговый и линкинговый [121]. Эффекты данных видов социального капитала носят неоднозначный и часто противоположный характер в разрезе их влияния на экономический рост.

Бондинговый социальный капитал имеет ряд негативных эффектов из-за своего эксклюзивного характера и жесткой структуры [122]. Он еще сильнее ограничивает и без того закрытые сообщества, углубляет взаимодействие членов в строго ограниченных рамках, усложняет доступ к сообществу для индивидов извне — в совокупности это зачастую ограничивает экономическую деятельность, препятствует экономическому росту и развитию. В крайних случаях бондинговый социальный капитал может служить источником и распространителем разных видов дискриминации, также препятствующих развитию [там же]. В то же время бондинговый социальный капитал выполняет важную для индивидов функцию социальной поддержки, так как может служить источником помощи для людей, которые живут в бедности или имеют проблемы со здоровьем [123]. Однако недостаток бриджингового социального капитала может не позволить людям качественно изменить жизнь за счет кооперации с индивидами или организациями за пределами привычного круга или найти другие доступные для них формы поддержки [там же].

Бриджинговый социальный капитал в целом обладает преимущественно положительными эффектами [123]. Он повышает доверие по отношению к незнакомцам, что способствует трудоустройству, обмену и другим формам экономического взаимодействия между широкими группами посторонних друг другу людей; облегчает обмен информацией и снижает трансакционные издержки; способствует столкновению мнений и, как следствие, ведет к росту креативной и инновационной активности. Кроме того, он помогает сделать общество более толерантным к людям с другими взглядами и ценностями, позволяет индивиду лучше видеть доступные ему возможности и, таким образом, выгоднее устроиться в системе социальных и экономических отношений. Недавнее исследование показало, что бриджинговый социальный капитал является фактором высоких показателей экономического роста в европейских регионах [124]. Наиболь-

шее значение он имеет в регионах с низкоквалифицированной рабочей силой. Негативные эффекты бриджингового социального капитала не так однозначны: например, он может способствовать проведению рабочих забастовок, что, с одной стороны, улучшает трудовые права и условия работыников, а с другой стороны, ведет к росту издержек для работодателя [там же]. Также он может способствовать коррупции, сговору производителей в вопросах ценообразования.

Линкинговый социальный капитал выполняет важную общественную и экономическую функцию, так как дает доступ к ресурсам индивидам из менее властных или богатых сообществ [125]. Он позволяет настроить связь между государством и людьми, готовыми предоставить свои знания и навыки в обмен на материальные или нематериальные блага [там же]. Эта функция линкингового социального капитала особенно важна в контексте бедных стран или сообществ, так как расширяет экономические возможности их представителей. Данный эффект чрезвычайно важен для поддержания благосостояния в обществах с высокой коррупцией, неэффективными экономическими институтами, низким средним уровнем образования [126]. Положительная отдача от линкингового социального капитала и его использование во благо всего общества в целом, а не конкретных индивидов напрямую зависит от эффективности институтов в обществе, грамотного обеспечения контроля, прозрачности и подотчетности организаций. В случае нарушения этих условий высок риск, что линкинговый социальный капитал будет использоваться для торговли инсайдерской информацией, монопольных сговоров, лоббизма, коррупции и непотизма [127].

В данной связи необходимо подчеркнуть, что ни один из видов социального капитала — бондинговый, бриджинговый или линкинговый — не носит однозначно положительного или отрицательного характера на макроуровне. Исходя из контекста и ряда внешних условий, необходимо со-

блюдение оптимального баланса между всеми видами социального капитала, их правильное соотношение. Еще одним фактором, от которого зависит, как именно будет влиять социальный капитал на развитие общества, является качество институтов [128]. В обществе с развитыми институтами социальный капитал представляет собой благо, в то же время в обществах со слабыми институтами он может представлять опасность и вести к экономической и политической деградации.

Институциональный вакуум снижает отдачу от социального капитала при прочих равных, в таких условиях социальный капитал не может обеспечить устойчивое экономическое развитие [там же]. Недееспособность общественных институтов способствует деформации социального капитала на макроуровне, что ведет к росту неравенства, коррупции, клиенцизму, непотизму, миграции населения, уклонению от уплаты налогов и росту незадекларированных доходов, снижению качества условий для развития человеческого капитала, разрушению моральных устоев и норм общества [89]. Низкий уровень доверия к формальным институтам вынуждает людей накапливать социальный капитал на микроуровне, что также приводит к злоупотреблениям и использованию социального капитала в интересах ограниченных групп — зачастую во вред общественным и государственным интересам. Более того, сильное смещение на микроуровень при накоплении социального капитала препятствует дальнейшему развитию уже существующих неформальных институтов.

Говоря о влиянии социального капитала на макроуровне в России, необходимо отметить исключительную важность гражданской ответственности и сплоченности для экономического роста. Эмпирические исследования показывают, что развитие российских городов и регионов положительно связано с бриджинговым социальным капиталом, однако сила этой связи во многом определяется уровнем гражданской ответственности и обеспокоенности за будущее своего региона со стороны индивидов

[129]. Рост уровня гражданской кооперации — готовности людей объединяться для решения личных и общественных проблем в регионе — связан с более высокими темпами экономического роста и развития в регионах России [130]. Напротив, гражданская разобщенность людей в регионах связана с более низкими темпами экономического роста и развития. Неучастие граждан в социальной жизни ослабляет механизмы обратной связи и не позволяет эффективно использовать индивидуальный и групповой потенциал для улучшения жизни в обществе [98]. Таким образом, социальный капитал выступает в роли ресурса, способствующего росту гражданской сплоченности, развитию общества и экономики [88]. Из этого можно сделать вывод, что эффективное использование социального капитала может ускорить структурную трансформацию российской экономики и ускорить темпы экономического роста.

3.4. РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Важным эффектом социального капитала в рамках улучшения человека является его положительное влияние на здоровье. Существует множество эмпирических свидетельств в пользу того, что социальный капитал улучшает психическое и физическое здоровье, снижает смертность [75]. Наиболее сильная связь наблюдается в сфере самостоятельной оценки здоровья, когда индивиду предлагается субъективно оценить состояние его организма [131]. Социальный капитал сыграл особенно важную роль во время пандемии COVID-19. Исследования показывают, что высокий социальный капитал помог более эффективно отвечать на связанные с пандемией вызовы, а поддержание и усиление социальных связей между членами общества было необходимым элементом в борьбе со смертностью от болезни [132].

Одно из первых исследований, посвященных анализу взаимосвязи между социальным капиталом и его влиянием на здоровье людей, показало, что в округах с более высоким социальным капиталом наблюдалось меньшее количество летальных случаев, хотя требовалось меньшее количество времени до достижения первых случаев заражения в районе [62]. Анализ европейских стран и различий между статистическими данными в них показал, что увеличение социального капитала на одно стандартное отклонение ведет к снижению числа заболеваний COVID-19 на 14–34%, а также к снижению числа смертей на душу населения на 6–35% [133]. Также было показано, что основным способом влияния социального капитала на эффективность в борьбе с пандемией являются упрощение коллективных действий и улучшение принятия и соблюдения ограничительных мер на индивидуальном уровне среди людей с более высоким социальным капиталом [134]. Положительные эффекты от социального капитала в борьбе с пандемией выходят за пределы конкретного индивида. На уровне соседских сообществ социальный капитал помогает лучше солидаризироваться внутри него, более эффективно справляться с неопределенностью, чаще следовать мерам профилактики и защиты от COVID-19 [135]. На уровне бизнеса и предприятий социальный капитал помогает преодолевать экономические трудности, связанные с пандемией и последующим кризисом, так как в значительной мере содействует коллективным инновациям, коллективному интеллекту и устойчивости предприятий во время кризиса COVID-19 [136].

Особый интерес представляет связь социального капитала с военными конфликтами и их последствиями. Исследования такого рода носят единичный характер и, как правило, посвящены изучению гражданских войн. Пример вооруженного конфликта в Уганде показывает, что социальный капитал разрушается в условиях войны: в тех районах, где происходят боевые действия, сокращается общее доверие и участие в обществен-

ных организациях [137]. Однако после прекращения военного конфликта социальный капитал довольно быстро восстанавливается до довоенного уровня.

Напротив, опыт десятилетней гражданской войны в Непале свидетельствует о росте социального капитала и готовности вносить свой вклад в коллективное благо или инвестировать в основанные на доверии проекты в тех сообществах, которые более остальных были подвержены насилию во время конфликта [138]. Авторы исследования предполагают, что основной механизм, за счет которого осуществляется данная взаимосвязь, заключается в необходимости принять новые, способствующие более просоциальному поведению нормы взаимодействия в пострадавших от военного конфликта и жестокости сообществах.

Наконец, исследование, основанное на данных 2014 года, посвященное взаимосвязи между войной и социальным капиталом в российском контексте, показывает, что интенсивность военного конфликта оказывает положительное воздействие на социальный капитал и ведет к его росту [139]. Также наблюдается более сильный рост просоциального поведения в регионах, расположенных ближе к территориям, где разворачивается конфликт. Наконец, анализ боевых действий в Восточной Украине показал, что социальный капитал и социальные связи являются важным фактором социальной, экономической и политической реинтеграции участников военных действий [140].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данный том представляет собой исследование социального капитала в контексте проблемы улучшения человека. Работа состоит из трех основных разделов, каждый из которых посвящен определенному аспекту изучения социального капитала.

В первом разделе представлен обзор современной литературы, посвященной исследованию социального капитала в рамках актуальной повестки и ключевых тенденций. Представлены различные определения социального капитала на микро- и макроуровнях; показано, что концепция социального капитала отличается сложностью и неоднозначностью в подходах к ее изучению и операционализации. В рамках данного исследования предложено использование ресурсного подхода и триады «ресурс — актив — капитал» к анализу социального капитала, что позволяет оценивать ключевые каналы накопления и структурирования социального капитала в современном обществе. Применение ресурсного подхода к российскому обществу показывает, что Россия остается страной недоверия, в социуме наблюдается низкий уровень накопления социальных ресурсов.

Центральным фокусом второго раздела является представление нового подхода к анализу социального капитала, ориентированного на физиологическое, психологическое и когнитивное улучшение человека. Необходимость разработки нового методологического подхода обусловлена недостаточной степенью разработанности методик измерения социального капитала в существующих исследовательских проектах. Ресурсный подход предполагает адаптацию существующих разработок со значительным увеличением внимания на роли социального капитала как «последней стадии» существования социального ресурса. Одним из наиболее пер-

спективных направлений является анализ данных на основе сетевых моделей, в том числе аппарат теории графов. К преимуществам данной методологии относятся возможность гибкого и структурного сбора данных на ограниченной эмпирической базе, улучшение интерпретации и наличие возможностей для визуального анализа социальных структур. Наконец, при разработке исследовательского инструментария необходимо работать с двумя типами измерений — на уровне индивидов и на уровне комплексных социальных агрегатов и групп, что предполагает разный набор формулировок вопросов и индикаторов.

Третий раздел обзорного исследования социального капитала показывает через призму ресурсного подхода, какие возможности дает социальный капитал человеку. На микроуровне социальный капитал упрощает распространение информации в обществе, способствует росту конкурентоспособности на рынке труда и продвижению по лестнице доходов, содействует в процессе образования, улучшает качество жизни и показатели счастья человека. На макроуровне социальный капитал содействует развитию предпринимательства, стимулирует экономический рост, улучшает жизнь всего общества за счет внешних экстерналий. В то же время показано, что качество общественных институтов определяет направление эффекта от социального капитала, а «институциональный вакуум» существенно снижает отдачу от социального капитала. В роли фундамента для поддержания устойчивости социальных связей выступает доверие.

В рамках данного исследования уделено отдельное внимание анализу роли социального капитала во время пандемии COVID-19 и в условиях военных конфликтов. Результаты показывают, что социальный капитал положительно влияет на физическое и психическое здоровье, помогает более эффективно отвечать на связанные с пандемией вызовы и ведет к снижению числа смертей на душу населения. Результаты анализа взаимосвязи между социальным капиталом и вооруженными конфликтами

носят неоднозначный характер: согласно одним исследованиям, войны разрушают социальный капитал, в то время как другие исследования демонстрируют рост просоциального поведения в результате военных действий. Разрушение социального капитала более характерно для гражданских войн, в то время как межгосударственные вооруженные конфликты чаще связаны с ростом сплоченности внутри общества, стремлением к просоциальному поведению и образованию новых связей.

Результаты настоящего исследования демонстрируют необходимость изучения социального капитала на разных уровнях и в разных измерениях, в том числе в рамках ресурсной теории. Использование ресурсной концепции для понимания социального капитала не только позволяет развивать теоретические исследования, но также вносит существенный вклад в измерения социального капитала с помощью различных методик: опросов, теории графов и так далее. В рамках ресурсного подхода становится возможно перейти к расширенной операционализации социального капитала, что делает доступным комплекс измерений состояния социального капитала в рамках всего общества. Ресурсная теория предоставляет богатый материал для концептуализации социального капитала и построения методики измерения, основанной на теоретическом фундаменте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Huxhold O. et al. The strength of weaker ties: An underexplored resource for maintaining emotional well-being in later life // The Journals of Gerontology: Series B, 2020. — Т. 75. — № 7. — Р. 1433–1442.
2. Блок М., Головин Н. А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2015. — № 4. — С. 99–111.
3. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Polis: Journal of Political Studies, 2021. — № 5. — С. 161–175.
4. Масамиси С. и др. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований), 2009. — Т. 1. — № 1. — С. 20–35.
5. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. NY. — Greenwood Press, 1986.
6. Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences // Women, Minorities, and Employment Discrimination, Lexington, Massachusetts. — Lexington Books, 1977. — Р. 153–186.
7. Coleman J. S. Foundations of social theory. — Harvard university press, 1994.
8. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. — Princeton university press, 1992.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию, 2004. — ООО «Изд-во АСТ».
10. Colletta N. The Nexus between Violent Conflict, Social Capital and Social Cohesion: Case Studies from Cambodia and Rwanda // World Bank, Washington DC, 2000.

11. Uzzell D., Moser G. Environment and quality of life // European Review of Applied Psychology, 2006. — Т. 56. — № 1. — Р. 1–4.
12. Van Staveren I., Knorringa P. Unpacking social capital in economic development: How social relations matter // Review of social economy, 2007. — Т. 65. — № 1. — Р. 107–135.
13. Morris M. H., Lewis P. S. Entrepreneurship as a significant factor in societal quality of life // Journal of Business Research, 1991. — Т. 23. — № 1. — Р. 21–36.
14. Savulescu J., Bostrom N. (ed.). Human enhancement. OUP Oxford, 2009.
15. Juengst E., Moseley D. Human Enhancement // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / под ред. Е. Н. Залта.: Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2019. Вып. Summer 2019.
16. Cabrera L. Y. Reframing Human Enhancement: A Population Health Perspective // Frontiers in Sociology, 2017. — Т. 2.
17. Campbell C. Social capital, social movements and global public health: Fighting for health-enabling contexts in marginalised settings // Social Science & Medicine, 2020. — Т. 257. — Р. 112–153.
18. Coenen C., Schuijff M., Smits M., Klaassen P., Hennen L., Rader M. et al. Human Enhancement. Bonn: European Technology Assessment Group, 2009.
19. Scheffler R. M., Brown T. T. Social capital, economics, and health: new evidence // Health Economics, Policy and Law, 2008. — Т. 3. — № 4. — Р. 321–331.
20. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American journal of sociology, 1988. — Т. 94. — Р. S95–S120.
21. Claridge T. Current definitions of social capital: Academic definitions in 2019 // Social Capital Research and Training, Roslyn (NZ): socialcapitalresearch.com/current-definitionsofsocial-capital-retrieved on: Dec. 25th., 2020.
22. Putnam R. D. Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social

- capital in America // PS: Political science & politics, 1995. — Т. 28. — № 4. — Р. 664–683.
23. Putnam R. D. et al. Bowling alone: The collapse and revival of American community, 2000. — Simon and Schuster.
 24. Tatsi E., Zafar T. Social capital and economic growth: evidence from OECD countries // Social Science Research Network Electronic Journal, 2011. — Р. 1–50.
 25. World Bank. World Development Report 2000/2001 — Attacking Poverty, World Bank / Oxford University Press, Washington / New York, 2001.
 26. Woolcock M., Narayan D. Social capital: Implications for development theory, research, and policy // The world bank research observer, 2000. — Т. 15. — № 2. — Р. 225–249.
 27. Almakaeva A., Welzel C., Ponarin E. Human empowerment and trust in strangers: The multilevel evidence // Social Indicators Research, 2018. — Т. 139. — № 3. — Р. 923–962.
 28. Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies, 1997. — Princeton university press.
 29. Германов И. А., Плотникова Е. Б. Концептуализация и операционализация понятия «социальный капитал» в исследованиях организаций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2017. — № 1. — С. 106–114.
 30. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология, 2002. — Т. 3. — № 4. — С. 20–32.
 31. Сорокин Н. С. Ресурсный подход в изучении роли наемных работников в социальном партнерстве: к методологии исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2018. — Т. 11. — № 1. — С. 105–115.
 32. Parente F. Inequality and social capital in the EU regions: a multidimensional analysis // Regional studies, Regional science, 2019. — Т. 6. — № 1. — Р.

- 1–24.
33. Красилова А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. Социология. Этнология, 2007. — Т. 16. — № 4. — С. 160–180.
 34. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Москва Новый хронограф, 2014.
 35. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // Организационная психология, 2018. — № 2. — С. 47–71.
 36. Lin N. Social capital: A theory of social structure and action. — Cambridge university press, 2002. — Т. 19.
 37. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики, 2011. — № 12. — С. 46–65.
 38. D'Agostino S. Leveling the Playing Field for Social Capital // Insidehighered. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2022/08/05/how-colleges-can-level-playing-field-social-capital>, 2022.
 39. Alecu A. et al. Who you know: The classed structure of social capital // The British Journal of Sociology, 2022. — № 73. — Р. 505–535.
 40. Татарко А. Что стало с социальным капиталом и социальными связями в эпоху COVID-19 // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/629904c39a7947d5a41f06c6>, 2022.
 41. Чебунина О. А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России, 2019. — Т. 8. — № 1. — С. 229–241.
 42. Spottswood E. L., Wohn D. Y. Online social capital: recent trends in research // Current opinion in psychology, 2020. — Т. 36. — Р. 147–152.
 43. Aghajanian A. et al. Social Capital and Conflict // TAMNEAC (Training and Mobility Network) an Initial Training Network Supported by the European

- Commissions Seventh Framework Programme, 2012.
44. Calvo T. et al. Fear not for man? Armed conflict and social capital in Mali // Journal of Comparative Economics, 2020. — Т. 48. — № 2. — Р. 251–276.
 45. Алмакаева А. М., Волченко О. В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2018. — № 4 (146). — С. 273–292.
 46. Pichler F., Wallace C. Patterns of formal and informal social capital in Europe // European sociological review, 2007. — Т. 23. — № 4. — Р. 423–435.
 47. Anikin V. A. et al. Public Demand for State Support in the Post-Communist Welfare State: The Case of Russia // Sociological Research Online, 2022. —13607804221091572 р.
 48. Weiler M., Hinz O. Without each other, we have nothing: a state-of-the-art analysis on how to operationalize social capital // Review of Managerial Science, 2019. — Т. 13. — № 5. — Р. 1003–1035.
 49. Brunie A. Meaningful distinctions within a concept: Relational, collective, and generalized social capital // Social science research, 2009. — Т. 38. — № 2. — Р. 251–265.
 50. Uphoff E. P., Pickett K. E., Cabieses B., Small N., Wright J. A systematic review of the relationships between social capital and socioeconomic inequalities in health: a contribution to understanding the psychosocial pathway of health inequalities // International journal for equity in health, 2013. — Т. 12. — № 1. — Р. 1–12.
 51. Harpham T., Grant E., Thomas E. Measuring social capital within health surveys: key issues // Health policy and planning, 2002. — Т. 17. — № 1. — Р. 106–111.
 52. Dahl E., Malmberg-Heimonen I. Social inequality and health: the role of social capital // Sociology of health & illness, 2010. — Т. 32. — № 7. — Р. 1102–1119.
 53. Engbers T. A., Thompson M. F., Slaper T. F. Theory and measurement in

- social capital research // Social Indicators Research, 2017. — Т. 132. — № 2. — Р. 537–558.
54. Weil F., Lee M. R., Shihadeh E. S. The burdens of social capital: How socially-involved people dealt with stress after Hurricane Katrina // Social science research, 2012. — Т. 41. — № 1. — Р. 110–119.
 55. Agampodi T. C., Agampodi S. B., Glozier N., Siribaddana S. Measurement of social capital in relation to health in low and middle income countries (LMIC): a systematic review // Social science & medicine, 2015. — Т. 128. — Р. 95–104.
 56. Каравай А. В. Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // Социологическая наука и социальная практика, 2021. — Т. 9. — № 4 (36). — С. 42–60.
 57. Lochner K., Kawachi I., Kennedy B. P. Social capital: a guide to its measurement // Health & place, 1999. — Т. 5. — № 4. — Р. 259–270.
 58. Granovetter M. S. The strength of weak ties // American journal of sociology, 1973. — Т. 78. — № 6. — Р. 1360–1380.
 59. Lee J. Bonding and bridging social capital and their associations with self-evaluated community resilience: A comparative study of East Asia // Journal of Community & Applied Social Psychology, 2020. — Т. 30. — № 1. — Р. 31–44.
 60. Lee R., Jones O. Networks, communication and learning during business start-up: The creation of cognitive social capital // International Small Business Journal, 2008. — Т. 26. — № 5. — Р. 559–594.
 61. Chen C. S., Chang S. F., Liu C. H. Understanding knowledge-sharing motivation, incentive mechanisms, and satisfaction in virtual communities // Social Behavior and Personality: an international journal, 2012. — Т. 40. — № 4. — Р. 639–647.
 62. Borgonovi F., Andrieu E., Subramanian S. V. The evolution of the association between community level social capital and COVID-19 deaths and hospitalizations in the United States // Social Science & Medicine, 2021. —

- T. 278. — P. 113–948.
63. Liang H., Yue Z., Liu E., Xiang N. How does social capital affect individual health among the elderly in rural China? — Mediating effect analysis of physical exercise and positive attitude // PloS one, 2020. — T. 15. — № 7. — E0231318 p.
 64. Pronyk P. M. et al. Can social capital be intentionally generated? A randomized trial from rural South Africa // Social science & medicine, 2008. — T. 67. — № 10. — P. 1559–1570.
 65. Kyne D., Aldrich D. P. Capturing bonding, bridging, and linking social capital through publicly available data // Risk, Hazards & Crisis in Public Policy, 2020. — T. 11. — № 1. — P. 61–86.
 66. Fraser T. Japanese social capital and social vulnerability indices: Measuring drivers of community resilience 2000–2017 // International Journal of Disaster Risk Reduction, 2021. — T. 52. — P. 101–965.
 67. Carpiano R. M. Toward a neighborhood resource-based theory of social capital for health: can Bourdieu and sociology help? // Social science & medicine, 2006. — T. 62. — № 1. — P. 165–175.
 68. Kairiza T. et al. Gender gap in the impact of social capital on household food security in Zimbabwe: does spatial proximity matter? // Review of Economics of the Household, 2021. — P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11150-021-09592-5>.
 69. Uzzi B., Gillespie J. J. Corporate social capital and the cost of financial capital: An embeddedness approach // Corporate social capital and liability. — Springer, Boston, MA, 1999. — P. 446–459.
 70. Kleinhempel J., Beugelsdijk S., Klasing M. J. The changing role of social capital during the venture creation process: A multilevel study // Entrepreneurship Theory and Practice, 2022. — T. 46. — № 2. — P. 297–330.
 71. Gedajlovic E. et al. Social capital and entrepreneurship: A schema and research agenda // Entrepreneurship Theory and Practice, 2013. — T. 37.

- № 3. — Р. 455–478.
72. Grootaert C., Van Bastelaer T. Understanding and measuring social capital: A synthesis of findings and recommendations from the social capital initiative. Washington, DC : World Bank, Social Development Family, Environmentally and Socially Sustainable Development Network, 2001. — Т. 24.
73. Аксютин Ю. М. Социальный капитал Республики Тыва, Хакасия и Алтая в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг) // Новые исследования Тувы, 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-respublik-tыва-hakasiya-i-altaya-v-otsenkah-i-predstavleniyah-zhiteley-regionov-po-dannym-massovyh-oprosov-2013> (дата обращения: 20.08.2022).
74. Vuković K. et al. The role of bonding and bridging cognitive social capital in shaping entrepreneurial intention in transition economies // Management: Journal of contemporary management issues, 2017. — Т. 22. — № 1. — Р. 1–33.
75. Ehsan A., Klaasa H.S., Bastianena A., Spini D. Social capital and health: A systematic review of systematic reviews // SSM-population health, 2019. — Т. 8. — Р. 100425.
76. Castells M. The information age: Economy, society and culture (3 volumes) // Blackwell, Oxford, 1996. — Т. 1997. — 1998 р.
77. Zhang M. Social network analysis: History, concepts, and research // Handbook of social network technologies and applications. — Springer, Boston, MA, 2010. — Р. 3–21.
78. Ryabchenko N. A., Miroshnichenko I. V., Gnedaš A. A., Morozova E. V. Crowdsourcing systems on facebook platform: Experiment in implementation of mathematical methods in social research // Journal of Theoretical & Applied Information Technology, 2016. — Т. 85. — № 2.
79. Meinzen-Dick R., DiGregorio M., McCarthy N. Methods for studying collective action in rural development // Agricultural systems, 2004. — Т.

82. — № 3. — Р. 197–214.
80. Barbieri P. Social capital and self-employment: a network analysis experiment and several considerations // International sociology, 2003. — Т. 18. — № 4. — Р. 681–701.
81. Tuna E., Karantinidis K. Agricultural cooperatives as social capital hubs—A case in a post-socialist country // Journal of Co-operative Organization and Management, 2021. — Т. 9. — № 1. — Р. 100–134.
82. Molina J. L. et al. The embeddedness of social capital in personal networks // Network Science, 2020. — Т. 8. — № 2. — Р. 189–203.
83. Rivest R. L., Vuillemin J. On recognizing graph properties from adjacency matrices // Theoretical Computer Science, 1976. — Т. 3. — № 3. — Р. 371–384.
84. Hoffman M., Steinley D., Gates K. M., Prinstein M. J., Brusco M. J. Detecting clusters/communities in social networks // Multivariate behavioral research, 2018. — Т. 53. — № 1. — Р. 57–73.
85. Grootaert C. et al. Integrated questionnaire for the measurement of social capital // The World Bank Social Capital Thematic Group, 2003.
86. How's Life? Measuring Well-being, Social Capital // OECD Library. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/how-s-life/volume-/issue-_9870c393-en, 2020.
87. World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // WVS Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>
88. Давыдова Н. М. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизведения социальных неравенств // Россия реформирующаяся, 2007. — № 6. — С. 169–182.
89. Илзе В., Илона Б. В., Ковалевская В. Положительные и отрицательные стороны социального капитала: примеры постсоветских стран // Бизнес. Общество. Власть, 2014. — № 20. — С. 1–27.
90. Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social capital matter

- for European regional growth? // European Economic Review, 2015. — Т. 77. — Р. 47–64.
91. Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования, 2016. — № 1. — С. 26–36.
92. Штомпка П. Доверие — основа общества, 2012.
93. Маилян Ф. Н. Роль социального капитала в процессе формирования и реализации человеческого капитала // Вестник Томского государственного университета. Экономика, 2012. — № 1 (17). — С. 51–62.
94. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке, 2016.
95. Putro H. P. N. et al. Social Capital of Micro, Small and Medium Enterprises in Kampung Purun for Improving Entrepreneurship Education // Jurnal Pendidikan, 2022. — Т. 14. — № 2. — Р. 1669–1680.
96. Ponzetto G. A. M., Troiano U. Social capital, government expenditures and growth. — National Bureau of Economic Research, 2018. — № w24533.
97. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // The Quarterly journal of economics, 1997. — Т. 112. — № 4. — Р. 1251–1288.
98. Гужавина Т. А. Гражданское участие как экстерналия социального капитала // Социологическая наука и социальная практика, 2019. — Т. 7. — № 1 (25). — С. 37–54.
99. La Porta R. et al. Trust in large organizations // American Economic Review Papers and Proceedings, 1996. — Т. 87. — № 2. — Р. 333–338.
100. Официальный сайт Всемирного исследования ценностей: Данные 7 волны 2017–2022// World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSSonline.jsp>
101. Тартаковская И. Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал, 2021. — № 2. — С. 68–89.
102. Авдеева Д. А. Доверие в России и его связь с уровнем экономиче-

- ского развития // Общественные науки и современность, 2019. — № 3. — С. 79–93.
103. Lefebvre V. M. et al. Social capital and knowledge sharing performance of learning networks // International Journal of Information Management, 2016. — Т. 36. — № 4. — Р. 570–579.
104. Burt R. S., Holes S. The Social Structure of Competition — Cambridge MA, 1992.
105. Игумнов О. А. Организационные эффекты социального капитала // Социально-гуманитарные знания, 2021. — № 1. — С. 203–216.
106. Chetty R. et al. Social capital II: determinants of economic connectedness // Nature, 2022. — Т. 608. — № 7921. — Р. 122–134.
107. Chetty R. et al. Social capital I: measurement and associations with economic mobility // Nature, 2022. — Т. 608. — № 7921. — Р. 108–121.
108. Сысоев С. А. Институциональный аспект исследований социального капитала // Экономика образования, 2008. — № 4. — С. 19–25.
109. Seferiadis A. A. et al. Producing social capital as a development strategy: Implications at the micro-level // Progress in Development Studies, 2015. — Т. 15. — № 2. — Р. 170–185.
110. Narayan D. Voices of the poor: poverty and social capital in Tanzania. — World Bank Publications, 1997. — Т. 20.
111. Narayan D., Pritchett L. Cents and sociability: Household income and social capital in rural Tanzania // Economic development and cultural change, 1999. — Т. 47. — № 4. — Р. 871–897.
112. Fafchamps M., Minten B. Social capital and the firm: evidence from agricultural traders in Madagascar//The role of social capital in development: An empirical assessment, 2002. — Р. 125–154.
113. Lyon F. Trust, networks and norms: The creation of social capital in agricultural economies in Ghana // World Development, 2000. — Т. 28. — № 4. — Р. 663–681.

114. Woldehanna T., Tafere Y., Yonis M. B. Social capital as a double-edged sword for sustained poverty escapes in Ethiopia // World Development, 2022. — Т. 158. — Р. 105–969.
115. Jensen D. H., Jetten J. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation // Frontiers in psychology, 2015. — Т. 6. — 126 р.
116. Натхов Т. В. Социальный капитал и образование // Вопросы образования, 2012. — № 2. — С. 63–67.
117. Helliwell J. et al. Social capital, the economy and well-being // The review of economic performance and social progress, 2001. — Т. 1.
118. Munzel A., Galan J. P., Meyer-Waarden L. Getting by or getting ahead on social networking sites? The role of social capital in happiness and well-being // International Journal of Electronic Commerce, 2018. — Т. 22. — № 2. — Р. 232–257.
119. Glaeser E. L., Laibson D., Sacerdote B. An economic approach to social capital // The economic journal, 2002. — Т. 112. — № 483. — Р. F437–F458.
120. Dasgupta P. Social capital and economic performance: Analytics. — Beijer international institute of ecological economics, 2001.
121. Halpern D. Social capital. — Polity, 2005.
122. Claridge T. Functions of social capital—bonding, bridging, linking // Social capital research, 2018. — Т. 20. — Р. 1–7.
123. Edin K., Lein L. Work, welfare, and single mothers' economic survival strategies // American sociological review, 1997. — Р. 253–266.
124. Muringani J., Fitjar R. D., Rodríguez-Pose A. Social capital and economic growth in the regions of Europe // Environment and Planning A: Economy and Space, 2021. — Т. 53. — № 6. — Р. 1412–1434.
125. Jordan J. B. A study in how linking social capital functions in community development. — The University of Southern Mississippi, 2015.

126. Healy T., Cote S. *The Well-Being of Nations: The Role of Human and Social Capital. Education and Skills.* — Organisation for Economic Cooperation and Development, 2 rue Andre Pascal, F-75775 Paris Cedex 16, France, 2001.
127. Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International journal of epidemiology, 2004. — Т. 33. — № 4. — Р. 650–667.
128. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: ЦЭМИ РАН и РЭШ, 1999. — С. 12–14.
129. Меняшев Р. Ш., Полищук Л. И. Экономическая отдача от социального капитала: о чем говорят российские данные? // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: Кн. 2., М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. — С. 159–170.
130. Косарев В., Павлов П., Каукин А. Социальный капитал как фактор экономического роста российских регионов // Экономическая политика, 2019. — Т. 14. — № 5. — С. 124–149.
131. Rodgers J. et al. Social capital and physical health: An updated review of the literature for 2007–2018 // Social Science & Medicine, 2019. — Т. 236. — Р. 112–360.
132. Pitas N., Ehmer C. Social Capital in the Response to COVID-19 // American Journal of Health Promotion, 2020. — Т. 34. — № 8. — Р. 942–944.
133. Bartscher A. K. et al. Social capital and the spread of COVID-19: Insights from European countries // Journal of Health Economics, 2021. — Т. 80. — Р. 102–531.
134. Wu C. Social capital and COVID-19: a multidimensional and multilevel approach // Chinese Sociological Review, 2021. — Т. 53. — № 1. — Р. 27–54.
135. Carter E. D., Cordero M. L. Salir Adelante: Social capital and resilience during the COVID-19 pandemic in Argentina // Health & place, 2022. — Т. 77. — Р. 102–870.

136. Al-Omoush K. S. et al. Networking and knowledge creation: Social capital and collaborative innovation in responding to the COVID-19 crisis // Journal of Innovation & Knowledge, 2022. — Т. 7. — № 2. — Р. 100–181.
137. De Luca G., Verpoorten M. Civil war, social capital and resilience in Uganda // Oxford economic papers, 2015. — Т. 67. — № 3. — Р. 661–686.
138. Gilligan M. J., Pasquale B. J., Samii C. Civil war and social capital: Behavioral-game evidence from Nepal // Available at SSRN 1911969, 2011.
139. Guriev S., Melnikov N. War, inflation, and social capital // American Economic Review, 2016. — Т. 106. — № 5. — Р. 230–350.
140. Mutallimzada K. The Role of Social Capital in Ex-combatant Reintegration: A case study of the Ukrainian Donbas war veterans' social, political and economic reintegration in Odessa // Institute for Russian and Eurasian Studies (IRES), 2021.

A67

Обзорное исследование социального капитала в контексте улучшения человека. / В.А. Аникин, С.Г. Пашков и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: 2022. — 92 с. — (7 том доклада «Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления человека», науч. ред. В.А. Аникин. — ISBN 978-0-3694-0896-9 (серия). — ISBN 978-0-3694-0901-0 (том).

Объектом настоящего исследования является социальный капитал в контексте проблемы улучшения человека. В первом разделе исследования представлен обзор современной литературы по теме социального капитала и подходов к его определению; изложена суть ресурсного подхода к анализу социального капитала; представлены ключевые выводы из эмпирических исследований, посвященных анализу социального капитала и его трансформаций в условиях пандемии и военных конфликтов; отображено текущее состояние социального капитала в российском обществе. Особое значение уделяется влиянию доверия как ключевого инструмента для поддержания социального капитала. Во втором разделе настоящего исследования рассмотрены ключевые традиции измерения социального капитала и рассмотрены дальнейшие возможности операционизации социального капитала в рамках ресурсного подхода. Центральным фокусом раздела является представление подхода к анализу социального капитала, ориентированного на физиологическое, психологическое и когнитивное улучшение человека. Наконец, третий раздел исследования посвящен анализу экономических и других эффектов социального капитала на возможности человека на микро- и макроуровнях, в том числе в условиях пандемии COVID-19 и военных конфликтов.

УДК 331.56, 316.472.4
ББК 28.7, 88.54

Научное издание

*7 том доклада «Глобальный ландшафт
исследований и перспективных разработок
в области укрепления человека»*

**ОБЗОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА
В КОНТЕКСТЕ УЛУЧШЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКА**

Под научной редакцией В.А. Аникина

*Дизайн, компьютерная верстка и графика:
студия дизайна «Образ мысли»*

*Редактор, корректор: Ю.А. Емельянова,
О.В. Петрова*

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: 8 (495) 772-95-90